

Глава IV. ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П.Н.МИЛЮКОВА

а) Исследования по истории российских финансов и государственных учреждений конца XVI — начала XVIII вв.

Первый крупный научный труд П.Н.Милюкова — «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» — сразу и навсегда обеспечил ему репутацию выдающегося исследователя. Замысел этого труда был тесно связан с предшествующим творчеством историка. Во-первых, по содержанию: один из вопросов программы, по которой Милюков готовился к магистерским экзаменам, имел непосредственное отношение к теме его будущей диссертации. Во-вторых, в плане исследовательской методики — Милюков еще на студенческой скамье проявил себя активным приверженцем применения статистической обработки источников.

По указанным двум линиям сам Милюков прослеживал возникновение замысла своей работы. В предисловии к «Государственному хозяйству», написанном сразу после окончания работы над книгой, 22 декабря 1891 г., автор представлял свою тему читателю как саму собой разумеющуюся, не оговаривая пути, приведшего его к ее изучению. В написанных десятилетия спустя мемуарах Милюков также не упоминал о каких-либо колебаниях при выборе темы.¹ Текст предисловия к «Государственному хозяйству» создает впечатление, что лишь определившись с хронологическими рамками темы, Милюков затем уже избрал, в соответствии с новыми веяниями в науке, свой, оригинальный подход к ней: если прежде исследователей интересовали в первую очередь культурные, военные преобразования, дипломатическая история петровской эпохи, то Милюков обратился к изучению финансовой подоплеку реформ и их реализации в сфере административного устройства страны.

Но вступительная речь, произнесенная Милюковым на диспуте и более подробно обрисовывающая происхождение авторского замысла, показывает, что у истоков выбора темы лежал именно метод. Милюков, исходно решив, что будет «работать в области материальной истории», желал

иметь дело с обширным комплексом архивных документов, поддающимся статистической обработке. По содержанию диссертант избрал два явления, требующих такой обработки, — «одно из области народного, другое из области государственного хозяйства: движение населения и историю бюджета». Лишь исходя из этого, он выбрал «исходный хронологический пункт исследования» — «время, когда соответствующий материал впервые начинает становиться настолько обильным, чтобы дать возможность сколько-нибудь надежных общих выводов».² Для обоих «явлений» время это практически совпало. О «движении населения» сохранились относительно полные данные переписей 1678 и 1710 гг., а для истории бюджета, в дополнение к прежде считавшейся наиболее ранней росписи бюджета, в архивах бюджета 1680 и 1701-1709 гг.

Тем самым в центре исследования оказалось царствование Петра I. В ходе работы замысел историка становился все более масштабным. Не оставаясь в рамках периода 1678-1710 гг., он раздвигал хронологические пределы исследования. Трансформировалась в процессе исследования и сама его цель. Если сначала двумя главными явлениями, подлежащими изучению, были движение населения как факт из области «народного хозяйства» (т.е. в данном случае Милюков рассматривал демографические процессы в тесной связи с экономикой, — такой подход вообще был характерен для него) и история бюджета как факт из области «государственного хозяйства» (т.е. финансов), то потом тема была сформулирована (в журнальном варианте) так: «Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра Великого». Здесь наряду с финансами вторым аспектом темы являлись уже не демография и не экономика, а административные преобразования («реформа»). Демографические штудии Милюкова тоже не пропали зря и составили материал одной из глав. Но, по признанию автора, подтверждаемому структурой работы, вывод этой главы был «совершенно второстепенным по отношению к главной цепи ... выводов». Более того, после завершения исследования Милюков заявил: «...Изучение народного хозяйства не составляет моей прямой задачи».³

Тот факт, что Милюков первоначально намеревался исследовать связь состояния финансов с состоянием экономики и лишь затем переключился на связь финансов с административными реформами, позволяет смягчить упрек, высказывавшийся в его адрес, в том, что он проигнорировал экономическую сторону реформы.⁴ Судя по всему, он просто пошел «на поводу» у источников. Найдя богатейший материал по административным реформам, из которого напрашивались важные выводы, он предпочел скорректировать тему. Такое исследовательское решение представляется вполне оправданным.

Оба варианта заголовка (и журнальный, и книжный) указывали на основную цель, которой задался исследователь — «Привести ход реформы в связь с историей государственного хозяйства России», т.е. установить зависимость административных преобразований от состояния финансов. Термин «государственное хозяйство», употребляемый

Милюковым как синоним термина «финансы», ввел в заблуждение некоторых авторов, писавших о его работе. Повод к этому дал сам Милюков, указав в мемуарах, что диссертация «касалась истории учреждений и финансов в связи с государственной экономикой Петра Великого». Некоторые исследователи полагают, что наряду с финансами и администрацией экономика петровской эпохи была третьим основным аспектом работы Милюкова.⁵ Сам термин «государственное хозяйство» порой толкуется в литературе как государственный сектор экономики. И.К.Додонов, верно отмечая, что «в понятии Милюкова «государственное хозяйство» — это хозяйство финансовое», счел такую интерпретацию «своеобразной».⁶ Между тем еще в XVIII в. немецкий юрист К.Юсти ввел в научную терминологию термин «государственное хозяйство» в значении «финансы», и это значение утвердилось. Сам Милюков, напротив, считал необходимым оговорить иную трактовку этого термина у А.Афанасьева, разумевшего под государственным хозяйством «сферу правительственного влияния на народное хозяйство, именно на сельское хозяйство, ремесла и мануфактуры».⁷

Для отдельного издания Милюков написал предисловие, отчасти выполнявшее функции традиционного для теперешних диссертаций «введения». В нем он указал на степень изученности, актуальность, новизну темы, цель работы, дал общее указание на источники и — вместо историографического обзора — ссылки на библиографические пособия.⁸ Относительно изученности автор подчеркивал, что предыдущие исследователи неравномерно распределили внимание к различным сторонам петровских реформ, преимущественно изучая сторону культурную. В предисловии шла речь лишь о научной актуальности темы, заключавшейся, по мнению диссертанта, в том, что историческая наука «ставит на очередь изучение материальной стороны исторического процесса». Вопросы о политической актуальности темы Милюков в данном случае напрямую не затрагивал, хотя для него вопрос этот значил многое.⁹ Но он все же пытался привлечь к своему труду интерес широкой публики, хотя и сознавал, что основной текст едва ли доступен для прочтения неспециалисту, и рекомендовал вниманию публики обобщающую заключительную главу.

Новизна темы вытекала из состояния изученности петровской эпохи. Милюков избрал тот аспект реформ, который не был подробно изучен. В связи с этим он имел честолюбивое намерение получить «в результате нечто большее, чем простые компромиссы между давно высказанными теориями».

Касаясь характера источников, Милюков подчеркивал обильное привлечение архивного материала и указывал на архивы, документы которых он использовал, и на основные учреждения-фондообразователи. Историк счел нужным отметить, что объем материалов и «условия их хранения в современных архивах» не позволили ему «исчерпать их. Не имея возможности этого сделать, — продолжал он, — мы однако оставили работу над отдельными категориями документов лишь тогда, когда приходили к убеждению, знакомому всякому, кто работал над материалом этого рода, что дальнейшее изучение не прибавит ничего существен-

но нового и не изменит основных выводов, полученных в результате работы». Надо признать, что этот критерий, выбранный Милюковым для определения степени необходимой проработки источников, был достаточно субъективен. С другой стороны, физическая невозможность исчерпывающей проработки материала свидетельствовала о масштабности задачи, поставленной диссертантом.

Этой же масштабностью, видимо, объяснялось отсутствие общего вводного историографического обзора. Оно компенсировалось краткими экскурсами в литературу важнейших вопросов в основном тексте, там же более подробно характеризовались и источники.

Кроме перечисленных, предисловие к книге Милюкова выполняло и более традиционные для предисловия функции. Автор благодарил за содействие в работе архивистов и коллег, помогавших «книгами, указаниями и даже личным трудом». Кроме того, он благодарил еще двух «лиц, хотя и не имевших прямого участия в настоящем исследовании, но тем не менее, оказавших на него весьма значительное косвенное влияние. Я разумею, — разъяснял Милюков, — моих университетских учителей, В.О.Ключевского, университетские чтения которого в весьма значительной степени определили самое содержание моих воззрений по данному вопросу, и П.Г.Виноградова, благодаря историческому семинару которого я имел возможность ознакомиться со взглядами современной западной науки на задачи и приемы исторического исследования». В этой по виду почтиительной благодарности скрывается, на наш взгляд, упрек Ключевскому. Милюков дает понять, что «указаниями» своего научного руководителя он при работе над диссертацией не пользовался. Более того, даже и ссылка на разработку темы в курсе Ключевского компенсировалась в другом месте предисловия выпадом против него. «Многие будут теперь спорить против положения, — писал Милюков, — что финансовые затруднения должны были быть главной движущей причиной реформационной деятельности Петра... Но нельзя в то же время не признать, что эта мысль, столь мало подлежащая спору, представляется до сих пор скорее априорным постулатом новых исторических воззрений, чем результатом действительного изучения реформы. Для действительного изучения государственной, и тем более государственно-хозяйственной стороны реформы, — мы до сих пор имели слишком мало подходящего материала». Тут, во-первых, воззрение Ключевского на причины реформ признано тривиальностью, констатация которой не составляет никакой заслуги. Во-вторых, это же воззрение сочтено «скорее априорным постулатом», «чем результатом действительного изучения». И, в третьих, Милюков указывал, что «до сих пор» при изучении реформ использовалось «слишком мало подходящего», т.е. архивного, материала. Позднее он открыто упрекал Ключевского в пренебрежении архивами.¹⁰

Завершалось предисловие своеобразной рекламой отдельного издания диссертации. Милюков отмечал, что по сравнению с журнальным вариантом текст «пересмотрен, исправлен и дополнен во многих местах», а кроме того, сопровождается документальными приложениями. Что ка-

саются «исправлений и дополнений», они, как показывает сравнение книги с журнальным вариантом, имели в подавляющей части редакционный характер — уточнение сносок, добавление ссылок на новейшие издания. Сам текст был изменен в немногих местах.

Исследование делилось на вступительную главу, три отдела и заключительную главу. Каждый отдел, в свою очередь, состоял из трех глав, таким образом, всего глав было одиннадцать. Вступительная глава «Основные черты государственного хозяйства России XVII века», самая большая по объему в книге, не соответствовала по хронологии заголовку диссертации. Необходимость включения ее в исследование автор доказывал тем, что «кризис петровского времени», вызванный резким ростом государственных расходов в связи с Северной войной и переходом к регулярной армии, «подготавливался и назревал в течение всего XVII века», в ходе менее «дорогих» войн и более скромных попыток модернизации армии.¹¹

Вступительная глава была посвящена существовавшей в XVII в. системе налогообложения, развитию учреждений, ведавших финансами, росту военных расходов и мерам, предпринимавшимся правительством для покрытия этих расходов. Милюков проследил совершившийся в течение века переход от посошного к подворному обложению, причем особое внимание уделил промежуточной единице обложения — живущей четверти, сведения о которой впервые ввел в научный оборот в 1890 г. А.С.Лаппо-Данилевский. Не соглашаясь с последним, сблизившим обложение по живущим четвертям с подворным, Милюков в тексте диссертации полагал, что живущая четверть — не новая окладная единица, а лишь новый способ раскладки в рамках прежнего обложения по сохам. Но в следующей работе Милюкова, отзыве на книгу Лаппо-Данилевского, его точка зрения изменилась. Продолжая настаивать на тесной связи живущей четверти с системой посошного обложения, он теперь уже признавал ее окладной, а не раскладочной единицей. На это изменение в своем воззрении он указал еще на своем магистерском диспуте, т.е. до опубликования отзыва на книгу Лаппо-Данилевского. Между прочим, вопросу о происхождении и сущности живущей четверти была отведена едва ли не большая часть этого диспута вследствие того, что этим вопросом активно заинтересовался В.О.Ключевский.¹²

Что касается причин введения правительством новой окладной единицы, Милюков указывал на следующие обстоятельства. Во-первых, прежняя окладная единица, соха, была настолько велика, что даже мельчайшие из ее долей, употребительные в тогдашней арифметике, превышали по размерам подлежащие налогообложению мелкие земельные участки, раздаваемые частным владельцам на южной окраине государства. Живущая четверть, значительно меньшая по размерам, устраняла этот недостаток сохи. Во-вторых, вследствие налоговых льгот, широко предоставлявшихся правительством в ходе хозяйственного кризиса конца XVI в. и последующей Смуты, площадь земли, подлежащей посошному обложению, сильно сократилась. Между тем, после Смуты запашка вновь стала расти. Не отваживаясь на прямое включение вновь распаханых зе-

мель в податной оклад ввиду очевидной непопулярности такой меры, правительство, по мнению Милюкова, решило усилить налогообложение обходным путем, введением новой окладной единицы. Так как в основу живущей четверти была положена не площадь земли, а количество рабочих рук, то рост налогообложения выглядел бы замаскированным. Наконец, в-третьих, в известной степени противореча самому себе, Милюков указывал, что в результате введения живущей четверти на частновладельческих землях юга России обложение этих земель было значительно облегчено по сравнению с черносошным Севером.

Весьма частный вопрос о живущей четверти возбудил в историографии конца XIX — начала XX в. большие споры. А.С.Лаппо-Данилевский и В.О.Ключевский придерживались иного, по сравнению с Милюковым, мнения. Они полагали, что причиной введения живущей четверти было не желание правительства утилизировать уже существовавший рост запашки, а лишь стремление вызвать такой рост в будущем. М.А.Дьяконов считал такой причиной желание правительства привлечь к тяглу бобылей: они не имели собственной пашни, но имели дворы и, таким образом, при поземельном обложении не входили в число налогоплательщиков, но включались в него при введении живущей четверти, состоявшей, как правило, из нескольких крестьянских и нескольких бобыльских дворов. Наконец, С.Б.Веселовский, считавший, что и посошное обложение было не поземельным, а «посильным», акцентировал внимание на первой из указанных Милюковым причин. По мнению Веселовского, живущая четверть была не заменой, а модификацией посошного обложения с целью повышения его «эластичности» — более мелкая окладная единица позволяла точнее сообразоваться с платежными средствами населения и, повышая по необходимости налоговое бремя, по возможности так распределять его, чтобы плательщики были в состоянии его нести.¹³ Несмотря на усилия столь видных исследователей, по словам А.Л.Шапиро, и ныне «вопрос о причинах, вызвавших к жизни указы о живущей четверти, можно характеризовать как дискуссионный», так как источники «не дают ... прямого ответа». Из тезисов, предложенных Милюковым для объяснения происхождения живущей четверти, в современной историографии признается третий и отвергается второй.¹⁴

Еще один вопрос, затронутый в первой главе «Государственного хозяйства», вызвал широкий резонанс в литературе. На сей раз было твердо установлено, что Милюковым он решен неверно. Это вопрос о происхождении территориальных приказов — «четвертей». Милюков предположил, что эти четверти выделились из приказа Большого прихода. Сразу после того, как эта мысль была высказана, с ней выразил несогласие петербургский историк С.М.Середонин. По его мнению, развитому С.Ф.Платоновым, а позднее П.А.Садиковым, четверти возникли в результате отмены «кормлений» в середине XVI в. для управления сбором «кормленного и наместнича окупа».¹⁵

Между прочим, Платонов, отдавая предпочтение точке зрения Середонина, считал достоинством последнего «исторический» подход к вопросу, а недостатком Милюкова — «систематический» подход, схематизаторство.

Это наглядная иллюстрация к тогдашнему противостоянию московской и петербургской исторических школ. В данном случае истина оказалась на стороне петербургской школы, так как специально исследовавшееся Середониным сочинение Дж.Флетчера было одним из важнейших источников по ранней истории четвертей, Милуков же заинтересовался этим вопросом лишь попутно. Первоначально Милуков, идя на некоторые уступки точке зрения петербургских оппонентов, собирался посвятить полемике с ними специальную статью. С.Ф.Платонов от имени редакции «Журнала министерства народного просвещения» сообщил, что милуковская статья будет принята. Но это намерение выполнено не было.¹⁶

Если изображение Милуковым податной системы и финансовой администрации было «систематическим», то в следующих параграфах первой главы, посвященных «военной организации» и «истории финансовых мероприятий» XVII в., он становился на «исторический» путь исследования, которого в основном придерживался и за пределами этой главы. Поскольку основной целью Милукова было проследить реакцию правительства на финансовые последствия Северной войны, то и применительно к XVII в. его интересовали, главным образом, попытки правительства справиться с ростом военных расходов. Рассмотрев историю этих попыток, автор заключил, что именно они подготовили ликвидацию территориальных финансовых приказов в начале петровского царствования и переход от территориального к специализированному управлению сбором налогов. Этот процесс он считал одной из двух главных тенденций «в истории государственного хозяйства XVII в.».¹⁷

Другую «главную тенденцию» Милуков выявил из сопоставления структуры государственных доходов в начале XVII в. и накануне петровского царствования. Она заключалась, по его мнению, в значительном росте доли прямых податей. Вывод этот был оспорен С.Б.Веселовским, полагавшим, что и в начале XVII в. «значение прямых налогов ... в бюджете Московского государства было весьма значительно». В последующей литературе встречаются как повторение сомнений Веселовского, так и воспроизведение вывода Милукова.¹⁸ Сомнения Веселовского стали возможны потому, что по структуре бюджета начала XVII в. имеются лишь отрывочные данные. Напротив, бюджет 1680 г., до сих пор наиболее ранний из обнаруженных российских государственных бюджетов, имелся в распоряжении Милукова. Он был найден им в Московском главном архиве министерства иностранных дел и опубликован в приложении к диссертации. И именно в МГАМИД Милуков почерпнул значительный материал для первой главы — делопроизводство финансовых учреждений XVII в.

Первый отдел диссертации, «Приказное хозяйство 1682-1709», открывался главой (второй по сквозной нумерации) «Состояние государственного хозяйства к началу Северной войны (1682-1701 гг.)». Несмотря на то, что заголовком охвачен почти двадцатилетний промежуток времени от возведения Петра на престол до начала Северной войны, автор отмечал, что в указанных хронологических пределах «только последние шесть лет носят типичный характер петровской эпохи; к этим шести годам от-

носятся и все значительные изменения в состоянии государственного хозяйства. Подчиняясь наличному материалу, — оговаривал далее Милуков, — мы избираем однако же не 1695-1696 годы, а 1701-й год исходным пунктом для описания нового состояния государственного хозяйства».¹⁹

Материал для второй главы заключался в делопроизводстве Ближней канцелярии, созданной Петром для контроля над финансовой отчетностью. Сложность состояла в том, что в 60-е гг. XIX в., в ходе «упорядочения» петербургского Госархива МИД, фонд Ближней канцелярии был рассредоточен, и представление о его общем составе Милуков смог получить лишь благодаря старой сдаточной описи и помощи архивиста Н.А.Гиббенета, единственного оставшегося в живых участника «упорядочения». Ввиду того, что столь важный источник находился в состоянии «рассыпанной храмины», Милуков опубликовал в приложении к диссертации, для облегчения ориентировки последующих исследователей, упомянутую сдаточную опись фонда Ближней канцелярии с указанием новых шифров большинства дел и с подробным описанием тех дел, в которых содержались государственные бюджеты за 1701-1709 гг.²⁰ Данные этих бюджетов, также впервые введенных в научный оборот Милуковым, тоже были помещены в приложении.

То, что первый из зафиксированных Ближней канцелярией бюджетов датировался 1701 годом, как раз и сделало этот год для Милукова «исходным пунктом для описания нового состояния государственного хозяйства», тем более что он почти совпал с началом Северной войны, открывшей новую стадию в истории российских финансов. Поскольку автор при работе над второй главой располагал лишь бюджетами 1680 и 1701 гг. и не имел аналогичных материалов по промежуточным датам, ему пришлось избрать «не хронологическое, а систематическое» построение этой главы,²¹ основанное на сопоставлении двух моментов в истории финансовой администрации и бюджета. Элемент «исторического» изложения содержался лишь в параграфе, посвященном городской реформе 1699 г. — учреждению Ратуши и окончательной ликвидации воеводской власти в городах и черносотных уездах. В оценке этой реформы предыдущими исследователями существовало расхождение. По словам самого Милукова, «учреждение Ратуши рассматривалось чаще всего как мера, имевшая целью сословную реформу городского населения России, как изъятие целого сословия из ведения воевод и дарование ему самоуправления». Милуков примкнул к иной точке зрения, рассматривавшей реформу 1699 г. прежде всего как фискальную меру и выраженной ранее в трудах А.П.Пригары и И.И.Дитятина. По его мнению, правительство заботилось не столько о развитии городского самоуправления, сколько об исправности налоговых сборов в городах и об уменьшении издержек этих сборов — выборные горожане лучше справлялись с этими задачами, чем агенты приказной администрации. Собственно, городские налоговые сборы находились в руках выборных еще с 1679-1681 гг., но реформа 1699 г. ликвидировала судебную власть воевод над горожанами и передавала ее тем же выборным, «чтобы надежнее урегулировать финансовую ответственность».²²

В дальнейшем мнение о преимущественно фискальном характере реформы 1699 г. возобладало в литературе. К нему присоединился такой авторитетный исследователь как М.М.Богословский. Впрочем, высказывалось и противоположное мнение о том, что реформа «была естественным следствием социально-экономического развития страны, постепенно растущих рыночных связей и усиления роли купечества в хозяйственной жизни», мерой, направленной «на развитие торговли и промышленности, на защиту интересов посадской верхушки». ²³ А в последнее время снова указано, что «вряд ли можно расценивать реформу 1699 г. только под углом зрения, который превалировал у Милюкова...» и что первоочередным мотивом учреждения Ратуши была «централизация, притом не только доходов и сборов, но и всяких дел “купецких и промышленных людей” в едином приказе» как мера попечения государства об этих людях. ²⁴

Главный вывод, сформулированный Милюковым по итогам второй главы, характеризовал два основных направления эволюции финансовой администрации в начале царствования Петра. Первое направление логически продолжало тенденцию развития финансов в течение всего XVII в., состоявшую «в стремлении увеличить доходность сборов... путем устранения от взимания их — приказного элемента». Учреждением, сосредоточившим в себе сбор значительной части государственных доходов, явилась та же самая Ратуша, благодаря которой произошло и «устранение приказного элемента». Таким образом, она представляла собой «самое полное и грандиозное проявление фискальной политики XVII ст. и, можно сказать, самый зрелый плод ее». Но этому плоду грозила опасность со стороны второго направления эволюции финансовой администрации, зародившегося с началом активной внешней политики Петра в 1695 г. Оно заключалось в том, что параллельно с отмиранием старых областных приказов, доходы которых поглощались Ратушей, шло формирование новых военных приказов со «свежей финансовой силой», занимавшихся сбором новых налогов, вводившихся для покрытия растущих расходов. Доходы, сбором которых управляли эти новые приказы, занимали все большее место в структуре бюджета и грозили подорвать притязания Ратуши на «единство кассы». ²⁵

Несмотря на конкуренцию в управлении финансами, Ратуша и новые приказы преследовали общую цель — увеличение государственных доходов. Сопоставляя бюджеты 1680 и 1701 гг., Милюков заключал, что сначала эта цель была достигнута: «...В пять лет [накануне 1701 — А.М.] рядом отдельных распоряжений, в которых если и была система, — то во всяком случае не финансовая, прибавилось к 1 1/2 миллионам старого государственного дохода еще столько же», притом, «если судить по сметным цифрам, новый доход шел на полмиллиона впереди нового расхода». В конце главы, предвосхищая дальнейшее изложение, автор давал понять, что это бюджетное равновесие было, несмотря на видимую «некоторую устойчивость», хрупким и что Ратуше, имевшей «преимущество формы, организации», не суждено было устоять в схватке с новыми приказами, на стороне которых связь с «действительной жизнью, которая в

старую, готовую организацию не укладывается. Несомненно, — предрекал Милюков, — финансовая администрация должна будет сделать несколько шагов назад; старая система превратится в хаос, на развалинах которого уже очистится место для более грандиозной постройки». ²⁶

Разумеется, в третьей главе — «Разрушение приказного строя (1701-1709)» — прогноз этот оправдался. Главным источником для этой главы служила опять-таки документация Ближней канцелярии. Приступая к рассмотрению данного периода, Милюков указывал, что предыдущие исследователи мало интересовались деятельностью Петра до Полтавской битвы, так как в это время не издавалось «общих законоположений», «относящихся к реорганизации всего государственного строя». Сам Милюков, напротив, примыкал к тезису Ключевского о том, что реформы складывались из массы текущих распоряжений, направленных на решение сиюминутных задач, и брался доказать этот тезис на обильном материале. Однако, и по мнению Милюкова, в ходе преобразований в определенный момент назрела необходимость общей реформы государственного управления, хотя бы и подготовленной предыдущими частными мероприятиями, проводившимися «без какой бы то ни было общей теории, — под давлением текущих потребностей». «Если так, — резюмировал он, — то состояние текущих потребностей и средств их удовлетворения должно дать нам и меру того, насколько эта реформа материально необходима, и указать момент, в который она сделалась... неотложной. В ответе на оба вопроса мы и видим главную задачу настоящей главы». ²⁷

В третьей главе, как и в первой, Милюков предпринял обширный экскурс в историю русской армии. Повышение ее численности, а также затраты на флот, артиллерию и дипломатию он определил как главные факторы роста государственных расходов. Но, не считая себя специалистом по данной проблематике, Милюков заранее оговаривался — «Мы принуждены были сделать сопоставление данных о численности армии 1700-1708 гг., ввиду отсутствия такой попытки в специальной литературе». В письме к военному историку Д.Ф.Масловскому от 21 августа 1891 г. Милюков формулировал свои сомнения еще более откровенно: «...Страницы о численности петровского войска стоили мне большой возни и... я долго колебался, печатать ли их или выбросить; но потом я решил, что все-таки это будет шаг вперед; военным историкам придется заняться этим, чтоб добраться до истины, хотя бы по моему трупу». ²⁸ На деле, конечно, необходимости в «умерщвлении» Милюкова не было. Тот же Масловский, ограничившись отдельными замечаниями, в целом не ставил добытые Милюковым результаты под сомнение.

Вслед за ростом расходов Милюков рассматривал в этой главе состояние государственных доходов. Он установил, что наряду с основным бюджетом, зафиксированным Ближней канцелярией, возник своего рода «параллельный бюджет», находившийся в личном ведении царя. Поскольку данные о нем в канцелярию не поступали, Милюков был лишен возможности детально проследить движение его сумм. Общие его обороты он оценивал примерно в миллион рублей. Так как доходы основного бюд-

жета составляли около трех миллионов, первая цифра выглядит внушительно и говорит о подрыве значения Ратуши как «единой кассы», тем более что находившихся в ее ведении доходов не хватало для покрытия возложенных на нее расходов.

К решению указанной выше «главной задачи», поставленной в третьей главе, Милоков шел путем сопоставления бюджетов 1701-1709 гг. Целый ряд этих бюджетов был заключен с дефицитом, и положение спасало лишь то, что в Северную войну Россия вступила, имея значительные денежные резервы. Но постепенно они истощались, и при составлении бюджета на 1710 г. выяснилось, что доходы вместе с остатками предыдущих лет на полмиллиона меньше суммы планируемых расходов. Отсюда Милоков делал вывод, что необходимость реформы доказывалась почти непрерывным превышением расходов над доходами, а неотложность ее выяснилась в тот момент, когда возникла реальная угроза банкротства для государства.

В четвертой главе — «Разорение населения» — Милоков уклонился в сторону от основной темы исследования. Отвлекаясь от истории финансов и администрации, он обратился к истории «народного хозяйства», но опять в связи с финансами. Он желал выяснить, «с одной стороны, размер податных тягостей, ложившихся на каждого плательщика, с другой стороны, изменения, произведенные государственными тягостями в количестве привлеченного к платежу населения». ²⁹ Материалом для решения последней задачи послужили переписи 1678 и 1710 гг., хранившиеся в Московском архиве министерства юстиции и впервые вводимые Милоковым в научный оборот.

Милоков обнаружил, что «размер податных тягостей, ложившихся на плательщика», в 1710 г. значительно увеличился, а «количество привлеченного к платежу населения», напротив, уменьшилось на 20%, хотя за тридцать с лишним лет между переписями следовало бы ожидать его роста. Отсюда историк заключал, что не только финансы, но и экономика переживала кризис. Оба кризиса были вызваны «одной причиной — огромным ростом государственных нужд и соответственным увеличением податного бремени... Сложившееся таким образом положение было тем грознее, что оба кризиса, очевидно, способствовали взаимному обострению: истощение платежной способности населения ускорило финансовый кризис, а оскудение казны требовало от населения новых жертв». ³⁰

Эта глава вызвала большие споры. Уже вскоре после выхода книги в свет вывод о разорении и уменьшении численности населения подвергся критике со стороны П.В.Безобразова и А.Н.Пыпина, а на защите Милокова — со стороны В.О.Ключевского и В.Е.Якушкина. ³¹ Наиболее острый характер носила критика Безобразова, решившего, что вывод о разорении страны в ходе петровских реформ является главным выводом Милокова, и надевшегося опровержением этого вывода ниспровергнуть все исследование. Полемизируя с Безобразовым, Милоков справедливо возразил: «Вывод об “экономическом упадке России в петровскую эпоху” ... какое бы он ни имел значение сам по себе, есть совершенно второстепенный по

отношению к главной цепи моих выводов», касающихся «эволюции русских учреждений под влиянием потребностей государственного хозяйства». ³² Помимо уже упоминавшихся высказываний Милокова о том, что экономика не является главным предметом его исследования, справедливость его возражения подтверждается тем, что в тексте книги он перебрывал логический мостик от третьей главы к пятой, минуя четвертую, рассматривавшуюся в качестве побочного экскурса. ³³

Однако, легко доказав свою формальную правоту, по существу вопроса Милоков фактически отказался дискутировать. Суть мнения Безобразова состояла в том, что итоги двух переписей нельзя сравнивать непосредственно. Итог 1710 года следует увеличить на 2 млн. душ (тут он пользовался данными самого Милокова, считавшего, что ревизия первой подушной переписи 1719-1721 гг. вскрыла утайку двух миллионов душ), и тогда он окажется выше итога 1678 года. Милоков возражал, что в таком случае итог 1678 г. тоже следует увеличить, так как утайка, несомненно, была и тогда. Так как корректировка будет лишь гипотетической, целесообразнее, настаивал он, непосредственно сравнивать официальные итоги.

Очевидно, что при всей гипотетичности корректировки результатов переписей 1678 и 1710 гг., в большей степени следовало бы увеличить итог второй из них: раз податное бремя ужесточилось, то и население должно было активнее избегать податной регистрации. Но Милоков отказывался признать это и в качестве последнего аргумента, выдвигая «соображения, которые не место излагать здесь». Это был явный уход от полемики. ³⁴

Исследовавший позднее перепись 1710 г. М.В.Клочков пришел к выводу, что демографические потери в ходе реформ были меньше, чем предполагал Милоков. И в целом утвердилось мнение, что разорение как таковое было, но его демографические последствия преувеличены Милоковым. ³⁵ Причина такого преувеличения, по общему мнению критиков Милокова, заключалась в его чрезмерном доверии цифровым данным источников. Особенно рельефно указал на это В.О.Ключевский, знавший пристрастие ученика к статистике — «Тщательную статистическую обработку собранного материала автор не всегда соединял с критическим разбором документов, из которых этот материал извлекался... Недостаток такой критики особенно заметен в изложении результатов переписи 1710 г.». ³⁶ Таким образом, пренебрежение Милокова к «критическому» методу петербургской школы в данном случае обернулось против него самого. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что Милоков оговаривал в диссертации «неполноту» переписи 1710 г. ³⁷ Но для общих выводов он все же использовал цифру убыли населения в 20%.

Вывод о разорении населения, масштабы которого стали известны правительству в 1710 г., Милоков сопоставлял с выводом третьей главы о назревшем в том же году финансовом кризисе. Тем самым для него выяснялся смысл губернской реформы 1708-1712 гг. Петр не мог отказаться от своих дорогостоящих военных начинаний, но в то же время убедился в нежелательности введения новых налогов, которые едва ли дали бы что-нибудь, кроме новых недоимок и вдобавок могли вызвать бунт. Остава-

лось «за невозможностью удовлетворить все нужды — направить государственные доходы на удовлетворение нужнейших, предоставляя остальные собственной судьбе».³⁸ Под остальными понимались, прежде всего, местные расходы, ранее производившиеся до отправки собранных налоговых сумм в Москву. Чтобы избежать этих расходов, следовало «захватить» доходы уже на ранней стадии их движения. Для этого и было создано восемь губерний во главе с доверенными лицами царя, и соответственно — восемь губернских касс.

Изучая губернскую реформу, Милюков нашел блестящее подтверждение тезису о бесплановости и спонтанности петровских преобразований. Он выяснил, что не только необходимость реформы и момент ее проведения определились самым ходом событий, независимо от воли царя, но также и границы губерний были намечены постепенно, начиная с XVII в., текущими мероприятиями правительства. Этому процессу была посвящена пятая глава (открывавшая второй отдел, озаглавленный «Губернское хозяйство 1710-1718 гг.») — «Происхождение губерний». В ней автор, основываясь на материалах Разрядного приказа, хранившихся в МАМЮ, показал, что в течение XVII в. одновременно с централизацией управления финансами, шло формирование военных округов, послуживших основой для будущего административно-территориального деления России. Притом процессы эти, считал Милюков, в представлении тогдашнего правительства находились в противоречии друг с другом. Правительству приходилось выбирать из двух зол — либо концентрация управления в московских приказах, разделенных по ведомственному принципу, либо рассредоточение управления по областным центрам, где деятельность различных ведомств (военного, финансового, судебного) координировалась под общим руководством областного начальника. В первом случае отсутствовало бы единство управления на местном уровне, во втором — на центральном. В сущности, замечал Милюков, «ничего нет легче, ... как примирить выгоды того и другого единства, вовсе не исключаящих друг друга». Но «при существовавшей приказной системе центрального управления совместить его с правильной организацией местных центров было невозможно. Исход из этой неразрешимой дилеммы суждено было найти только с помощью европейской камеральной науки и практики».³⁹

Прежде чем исход этот был найден, события Северной войны, ускорившие перемены в области финансовой и общей администрации, разрешили дилемму в пользу областных учреждений. Военные округа XVII века эволюционировали в губернии, а Ратуша, напротив, теряла из своего ведомства доходы и вследствие этого «разрушалась».

Но при всей подготовленности губернской реформы событиями XVII — начала XVIII в. завершающая стадия этого процесса, рассмотренная в шестой главе — «Организация губернского хозяйства 1708-1711 гг.», — протекала не совсем гладко. Выработка типового бюджета, которым следовало руководствоваться при новом порядке финансового управления, кончилась лишь к 1712 г. Одновременно и в связи с этим установил-

ся новый порядок финансирования армии. Ранее она финансировалась в основном через Военный приказ на доходы, собираемые Ратушей, теперь предполагалось непосредственное распределение полков по губерниям, в соответствии с доходами последних. В этой мере Милюков видел следствие влияния шведских порядков, а также ожидания Петром после полтавской победы скорого мира, вслед за которым, по замыслу царя, должно было последовать уже не просто формальное закрепление конкретных полков за губерниями, но и фактическое расквартирование их там.

Таким образом, заключался историк, первая губернская реформа «сводилась вся ... к новой системе военного хозяйства и к новой финансовой организации». «Вся эта государственная реорганизация в ее целом — есть продукт военно-финансовых потребностей государства. В своем генезисе — она подготовлена всем предыдущим ходом нашей военной и финансовой истории и составляет лишь его естественное завершение. В своем осуществлении — она вызвана обстоятельствами Северной войны со всеми перипетиями последней, начиная от внутренних осложнений 1705-1707 годов и кончая надеждами на мир 1709-1711 годов. Наконец, уже подготовленная и осуществленная, — в своих задачах эта реорганизация пыталась осмыслить и систематизировать сама себя с помощью шведской военной системы и шведско-остзейской губернской организации».⁴⁰

Этот вывод справедливо ставит начало осуществления губернской реформы в связь с осложнениями 1705-1707 гг., в то время как наблюдая в предыдущих главах за динамикой бюджета и численности населения, Милюков акцентировал внимание на другом моменте в истории губернской реформы — на 1710 г., когда и состояние бюджета, и состояние численности населения указали правительству на неотложность перемен. Однако очевидно, что если отправным пунктом реформы был указ 18 декабря 1707 г. о распределении городов по губерниям,⁴¹ то сведения, обнаружившиеся к 1710 г., могли влиять лишь на ход реформы, но не были причиной ее начала. Кстати, выстраивая в заключительной главе общую схему петровских административных преобразований, Милюков вновь выделил 1710 г. в качестве одного из ключевых рубежей в их периодизации.⁴² Видимо, сказалось то, что хронологически исходным пунктом его исследования был именно этот год.

В шестой главе содержался также очерк взглядов прежних историков на образование губерний. Автор отмечал, что ранее уже высказывались, начиная с К.А.Неволина, предположения о «связи губерний 1708 г. с старыми ведомствами», но «серьезной попытки связать петровские губернии с административным делением XVII века не было сделано».⁴³ Сходным образом оценена заслуга Милюкова в решении этого вопроса и в последующей литературе.⁴⁴

В заключительной главе второго отдела, седьмой — «Функционирование губернского хозяйства (1710-1718)» — Милюков рассматривал последствия губернской реформы. Глава писалась на материалах сената, хранившихся в МАМЮ. Так как в связи с реформой произошла фактическая ликвидация центральных учреждений и отчетность Ближней канцелярии

нарушилась, Милюков лишился своего главного источника по истории бюджета. Более того, как установил Милюков, «ни для истории бюджета, ни для статистики губернского хозяйства не только не сохранилось до нашего времени, но и в то время не существовало достаточно полных и удовлетворительных сведений. Ввиду этого обстоятельства историю губернского хозяйства приходится восстанавливать по довольно отрывочным, но зато чрезвычайно обильным данным, сохранившимся в делопроизводстве сената». По причине «мелочности и дробности большей части этих данных» Милюков не ставил цели исчерпать их в своем исследовании. Не имея возможности статистически обработать материал из-за его неполноты и обилия, но придя все же на основании его изучения к определенным выводам, Милюков ставил себе в седьмой главе такую задачу: «Для нас достаточно, если общая характеристика губернского хозяйства представится достаточно ясной и если таким образом сделается понятной необходимость нового переустройства государственных учреждений, перед которой очутилось ... правительство вследствие реформы 1710 года. Для того, однако же, чтобы эта общая характеристика вышла достаточно обоснованной, мы считаем необходимым рассмотреть хозяйство каждой отдельной губернии».⁴⁵

Это рассмотрение предварялось вопросом о причинах учреждения сената. На него Милюков давал ответ, вполне согласованный с его общей концепцией. По его мнению, создание сената в 1711 г. не было стратегическим шагом царя, убедившегося будто бы, как считалось ранее, в неэффективности боярской думы. Среди мнений предшественников Милюкова выделялось мнение В.О.Ключевского, показавшего, что к моменту создания сената боярская дума прекратила свое существование и вместо нее действовала «министерская консилия», ее-то и заменили сенатом. Милюков вступил в спор и с этим мнением, не соглашаясь с тем, что «сенат непосредственно вышел из министерской консилиии».⁴⁶ По Милюкову, сенат был учрежден в первую очередь для заведования теми суммами, которые ранее находились в личном ведении царя и не фигурировали в бюджете, подотчетном Ближней канцелярии, т.е. с сугубо финансовой целью. «Менее ясно сознавалась, — по словам историка, — если только сознавалась вообще — при учреждении сената другая роль его, особенно важная и новая, выяснившаяся только впоследствии».⁴⁷ Роль эта состояла в том, что сенат призван был заполнить собой вакуум, образовавшийся в сфере центрального управления.

Детально рассмотренная Милюковым «практика губернского хозяйства» показала полную несостоятельность нового порядка управления. Несостоятельность эта была вызвана, по его мнению, двумя причинами. «Реальная» причина заключалась в том, что бюджетный проект 1711 г., лежавший в основе нового порядка, оказался заведомо фиктивным и не мог исполняться — возникали все новые непредусмотренные расходы. «Формальная причина», усугублявшая действие «реальной», состояла в том, что сенат, без развитой системы центральных учреждений, не мог координировать исполнения губерниями бюджета, однако обла-

дал достаточными полномочиями, чтобы вмешиваться в это исполнение и окончательно запутывать его.

Изобразив действие этих причин, Милюков добился цели показать «необходимость нового переустройства государственных учреждений». Соответственно двум причинам требовалось два направления реформ. Для устранения «реальной» причины финансовых затруднений требовалось реформировать податную систему. Так как попытки сокращения расходов и введения новых прямых налогов не позволяли достичь прочного бюджетного равновесия, «очевидно, оставалось одно» — консолидировать ряд частных прямых налогов в один общий и увеличить его сумму.⁴⁸ Для устранения «формальной» причины требовалась административная реформа — восстановление центральных учреждений и реорганизация областных.

Эти реформы стали предметом исследования в третьем отделе, озаглавленном «Коллежское хозяйство 1719-1725 гг.» Восьмая глава — «Литература проектов» — была посвящена их идейной подготовке. Среди кабинетных бумаг Петра в Госархиве МИД Милюков обнаружил «целую литературу “доношений”, “мемориалов”, “предложений” и “проектов”, свидетельствующих об очень значительном воздействии “доносителей” на ход правительственных реформ». «Мы присутствуем, — писал историк, — при коллективном обсуждении “доносителями” одних и тех же назревших, поставленных обстоятельствами времени вопросов, ответы на которые все более выясняют и подготавливают самые существенные мероприятия новой государственной реорганизации».⁴⁹

Цель восьмой главы автор формулировал, опираясь на результаты, достигнутые в предыдущих главах. «Изучение первых двух периодов в истории петровской реформы, — писал он, имея в виду создание Ратуши в 1699 г. и губернскую реформу — привело нас к выводу, что в этой реформе личная инициатива Петра сводилась к гораздо более узким рамкам, чем это обыкновенно полагают... Но самые трудные годы войны прошли, недостатки реформы 1710 г. очень скоро стали видны для всех: на досуге правительство могло теперь спокойнее и обдуманнее приступить к новому, более правильному государственному переустройству. Реформа вступила, наконец, в свой сознательный фазис. Стало ли шире личное участие в ней царя-реформатора?»⁵⁰ Целью главы было ответить на этот вопрос.

Милюков рассмотрел три категории проектов: относящиеся «к области торговой политики», «к податной реформе» и «к административной реформе». Проекты первой категории, согласно его выводу, первоначально имели сугубо фискальный характер, предполагали, что «финансы следует поправить эксплуатацией регалий и косвенными налогами; рядом с этим пробивалось мнение о необходимости расширить свободу торговли и понизить торговые пошлины; но это мнение проводилось так же, как одно из средств, полезных для фискального интереса».⁵¹ Но затем и проекты, и правительство встают на более «широкую» точку зрения, восприняв теорию меркантилизма, предусматривавшую поощрение отечественной промышленности и экспорта снижением внутренних и

экспортных пошлин, сокращением числа казенных монополий. Ценой временного снижения доходов казны эти меры должны были дать финансовый эффект позднее.

В ряду проектов первой категории Милоков подробно рассмотрел более широкий по содержанию проект Ф.Салтыкова, написанный в Англии. В этом проекте он обнаружил, в частности, источник петровского закона о единонаследии и из сопоставления проекта с законом заключил: «Главная тенденция предложившего закон Салтыкова была, вероятно, аристократическая; главная тенденция издавшего закон Петра была, конечно, фискальная».⁵² В связи с этим Милоков отверг мнение В.Е.Якушкина, согласно которому Петром при издании закона двигала забота «о благосостоянии крестьян и желание возбудить в народонаселении предприимчивость для блага всей страны». Позднее точка зрения Милокова об узко фискальных мотивах издания этого закона не получила широкого распространения в литературе, и он сам частично пересмотрел ее.⁵³

Проекты, относившиеся к податной реформе, также пережили, по наблюдениям Милокова, эволюцию. Первоначально они преследовали цель указать «поправимые» причины убыли населения, вскрывшейся по переписи 1710 г., — бегство, бродяжничество, укрывательство. Но новая подворная перепись 1715-1717 гг. показала дальнейшее уменьшение населения, поэтому ее результаты не могли быть использованы в случае проведения податной реформы. В итоге, так как «не удалось увеличить количества плательщиков, оставаясь в границах подворного обложения, то сама собою выяснилась необходимость переступить эти границы».⁵⁴ По мнению Милокова, идея замены подворного обложения подушным впервые возникла у прожектеров и лишь затем была воспринята правительством. Притом он указал на конкретный документ (так называемый «новый проект»), явившийся «основным источником новых идей о предстоящей податной реформе». Это наблюдение пытался опровергнуть М.В.Клочков, доказывавший, что «новый проект» был составлен в 1722 г., когда податная реформа была уже близка к завершению. Однако по мнению Е.В.Анисимова, не исключено, что Петр получил проект в 1717 г.⁵⁵

Главная цель административной реформы — восстановление центральных учреждений — была ясна, по Милокову, правительству и прожектерам сразу. Поэтому здесь не было места спорам о теоретической базе реформы: как только «основной вопрос» о коллегиальной форме был решен, «обсуждение должно было естественно и немедленно перейти в осуществление реформы».⁵⁶

Подводя итоги, автор отрицательно отвечал на вопрос, поставленный в начале главы, о расширении личного участия царя в реформе: Петр и правительство, «кажется, ...не только не решали вопросов, но даже вряд ли сами их ставили. Вопросы ставила жизнь; формулировали более или менее способные и знающие люди; царь схватывал иногда главную мысль формулировки, или — и, может быть, чаще — хватывался за ее прикладной вывод; обсуждение необходимых при осуществлении подробностей поставленной, формулированной и одобренной идеи предоставлялось

царем правительству вместе с подавшими мысль советчиками — и в результате получался указ. Но этот конец был только новым началом: входил ли указ в жизнь? вот вопрос, с которым приходилось считаться уже не советчикам, а правительству; и в этом, в умении классифицировать всю эту массу проектов на нужные и ненужные, практичные и непрактичные, применимые и неприменимые, полезные и вредные — должна была состоять единственная, хотя и важнейшая роль царя и правительства. Нельзя не признать, что в общем здравый смысл царя и рутина опытных дельцов разрешали умело эту задачу; что это было не всегда так, об этом свидетельствуют сопоставление многих принятых проектов с неудачными результатами их выполнения».⁵⁷

Роль, отведенная царю в процитированном выводе, показалась последующим историкам чрезмерно скромной. В.О.Ключевский в отзыве на диссертацию указал, что зависимость «преобразовательных мер Петра от мнений современных ему дельцов и публицистов» «несколько преувеличена автором».⁵⁸ Тогда же студент Н.П.Павлов-Сильванский, исследовавший «пропозиции Федора Салтыкова», заявил, что не согласен с Милоковым ни в общей оценке значения проектов, ни конкретно в оценке влияния предложений Салтыкова. А позднее, став сотрудником Госархива МИД и подробно ознакомившись с кабинетными бумагами Петра, Павлов-Сильванский еще раз вернулся к полемике с Милоковым и вновь указал, что последний преуменьшил роль Петра в проведении реформы. Вывод Павлова-Сильванского поддержали С.Ф.Платонов и М.М.Богословский.⁵⁹

В девятой главе — «Административная и податная реформа» — Милоков рассмотрел процессы создания коллегий, реорганизации местного управления и введения подушной подати. При этом были использованы материалы различных архивов: дела сената и финансовых коллегий из МАМЮ; дела частногого к проектировке коллежских регламентов барона А.Х.Любера из МГАМИД; материалы по податной реформе из Госархива. Ввиду доказанного им факта «разрушения приказного строя» задолго до коллежской реформы Милоков не мог принять бытовавшего прежде взгляда, что коллегии явились на смену приказов как более эффективные учреждения. В его схеме создание коллегий восполняло почти полное отсутствие центральной администрации. Подробно было рассмотрено Милоковым влияние иностранных образцов на выработку коллежских регламентов.

При создании наряду с губерниями и уездами новых областных единиц — провинций и дистриктов — правительство, как установил Милоков, опять-таки приняло за исходный образец шведское областное устройство и пыталось приспособить его к русским условиям.

Выяснив в предыдущем изложении общую необходимость податной реформы, в девятой главе Милоков указал на ее непосредственный повод. В 1717 г., в ожидании скорого мира и возвращения армии из-за границы, где она содержалась во многом за счет реквизиций, должны были вырасти расходы на нее. Петр решил назначить на финансирование армии новую, консолидированную и увеличенную, прямую подать — подушную. Для

определения ее суммы, приходившейся на плательщика, требовалось общий расход на армию разделить на количество плательщиков. Для этого была предпринята новая, подушная перепись населения, а затем, из-за обнаружившейся значительной утайки, «ревизия» ее итогов.

Подводя итоги главы, Милюков акцентировал внимание на вопросе, была ли «административная и податная реформа последних годов царствования Петра Великого» заимствованием с Запада. «В своих исходных точках, — отвечал он, — несомненно, да. В своем осуществлении, — несомненно, нет. Реформа исходила из почти рабского подражания оригиналу. Но, поскольку она была таким подражанием, на первых же порах она оказалась невозможной. Она, однако, все-таки осуществилась: только приспособление к условиям русской финансовой и административной практики так далеко увело ее от ее исходных пунктов, что она в конце концов сохранила очень мало общего со своими образцами». Притом, по Милюкову, «в разных сферах реформы эта разница между первоначальной идеей и осуществлением достигала различных размеров. Где заимствование носило чисто формальный, технический характер, разница эта была меньше; чем больше приходилось считаться с реальной стороной дела, тем более было и отклонение». ⁶⁰ Поэтому следует признать, что критика в адрес Милюкова со стороны позднейших исследователей петровских реформ за преувеличение роли иностранных заимствований ⁶¹ должна быть смягчена.

Третий отдел книги завершался десятой главой — «Результаты реформы». В ней автор выходил за хронологические пределы петровского царствования, чтобы дать своему исследованию «естественное завершение», так как «Петр умер... на полуслове своей последней реформы». ⁶² Благодаря тому, что в последние годы петровского царствования финансовая отчетность в общегосударственном масштабе была восстановлена, Милюков исследовал бюджеты этих лет, а также бюджет первого послепетровского года — 1725 — как «окончательный результат податной реформы». Изучение этого результата привело его к выводу, что, несмотря на попытку заимствования внешних форм финансового управления из Швеции, по сути бюджет продолжал строиться, как и бюджет XVII в., на принципе предварительного распределения конкретных сборов на конкретные расходы. Это было неэффективно, но зато безопасно: снижался соблазн ассигнований, не подкрепленных реальными средствами. ⁶³

Но главное внимание Милюков уделил последнему петровскому бюджету 1724 г. и опубликовал его в приложении. Сопоставив его с бюджетами 1680 и 1701 гг., Милюков сделал вывод о стремительном росте при Петре бюджетных доходов и, соответственно, налогового бремени. В конкретных цифрах (в переводе на рубли 1892 г.) рост этот выражался так: 1680 — ок. 25 млн. р.; 1701 — ок. 50 млн. р.; 1724 — ок. 75 млн. р. То есть, за годы петровского царствования произошло «утроение податных тягостей». ⁶⁴

Этот вывод привлек пристальное внимание исследователей, но не всегда точно воспроизводился ими. Так, А.М.Панкратова со ссылкой на Милюкова писала о росте налогов с крестьян «примерно в три раза» «за

период с 1701 по 1724 г.» Е.В.Анисимов, сам специально исследовавший податную реформу Петра и проверивший цифровые выкладки Милюкова, в другой своей работе отметил: «...По самым приблизительным подсчетам, платежи крестьян в казну за годы Северной войны возросли в три раза». Наконец, Р.Пайпс говорит об утроении государственных доходов и «налогового бремени податного населения» непосредственно в результате введения подушной подати. ⁶⁵ Между тем Милюков констатировал факт утроения податного бремени не за 1701—1724 гг., не за годы Северной войны (1700-1721) и уж тем более не за 1723-1724 гг., а за 1680-1724 гг., а, если точнее, за 1695-1724 гг., поскольку, по его оценке, рост бюджета начался именно с 1695 г. ⁶⁶ Что же касается Северной войны, в ее хронологических рамках, согласно подсчетам Милюкова (которые, правда, остались в тени как в его работе, так и в последующей историографии вопроса), практически никакого увеличения бюджетных доходов не произошло: в 1701 г. они составили (в рублях 1892 г.) 50,2 млн. р., а «для времени, непосредственно предшествующего введению подушной [т.е. для 1723 г. — А.М.], можно принять цифру» 51,2 млн. р. ⁶⁷

Вывод Милюкова об «утроении податных тягостей» при Петре, в общем не ставившийся под сомнение дореволюционными и советскими историками, подвергся, однако, острой критике со стороны С.Г.Струмилина, который утверждал, что при Петре податное бремя снизилось на 15%. ⁶⁸ Общий подход С.Г.Струмилина к проблеме сравнительной оценки тяжести налогового бремени в разные моменты петровской эпохи, а также конкретная методика его расчетов справедливо критиковались в работах С.М.Троицкого и Е.В.Анисимова. ⁶⁹ Что же касается существа вывода об утроении налогового гнета с 1680 г. по 1724 г., Е.В.Анисимов, проведя новые расчеты на основании уточненных данных, полностью подтвердил его. ⁷⁰

Рассматривая результаты административной и податной реформ конца петровского царствования, Милюков отмечал, что, несмотря на относительную «сознательность» этих преобразований по сравнению со стихийными преобразованиями 1708-1712 гг., сразу же после начала функционирования новых учреждений и новой податной системы обнаружилось их недостатки и началось внесение коррективов самим реформатором, а затем его преемниками. В сфере высшей государственной власти надлежало упорядочить взаимоотношения сената, полуофициальных тайных советов по делам военным и дипломатическим и коллегий, полномочия которых частично вторгались в эту сферу. Но при создании после смерти Петра Верховного тайного совета возобладали политические мотивы борьбы между влиятельными лицами, а не технические мотивы упорядочения структуры власти. Верховный тайный совет внес в эту структуру еще большую путаницу. В органах центрального управления — коллегиях — вскоре после их создания началось изменение делопроизводства на манер прежних приказов, так как новые формы оказались неэффективными. Вследствие ее дороговизны вскоре после смерти Петра была сокращена новая областная администрация. Наконец, было отме-

нено поуездное расквартирование армии, дабы не подвергать крестьянство разорительному военному постою.

Оценивая значение мер, направленных против недавних нововведений, Милюков писал: «Несомненно, деятельность верховного совета представляет собою реакцию против как финансовой администрации, так и податной системы петровского времени. Но эта реакция вовсе не составляет протеста против реформы, а, напротив, есть ее дальнейшее развитие и осуществление в применении к условиям русской жизни. Русская действительность необходимо должна была реагировать против буквального применения к ней иностранных образцов. Законность этой реакции была прежде всего признана самими теми лицами, которым поручено было введение новых порядков. ... Петр ... сам признал ее необходимость и первый начал ту “ломку” только что введенных порядков, которую закончили его сотрудники в верховном совете». ⁷¹ Вывод этот вскоре был оспорен Н.П.Павловым-Сильванским, считавшим Верховный тайный совет цитаделью «контрреформ». И хотя мнение Павлова-Сильванского критиковалось в последующей историографии, оценка мер Верховного тайного совета как «контрреформ» существует в современной литературе. ⁷²

В последней, одиннадцатой главе, озаглавленной «Заключение», Милюков вкратце повторил основные выводы предыдущих глав и сделал несколько дополнительных замечаний, касавшихся предшествующей истории изучения петровских реформ и общей оценки их в его собственном труде. Разъясняя план книги, он писал, что при его выборе руководствовался «хронологическим ходом реформы», ее периодизацией. «В ее общем ходе мы делим реформу Петра на три периода, соответствующие трем отделам нашего исследования: периодам приказного, губернского и коллежского хозяйства... По отношению к каждому из этих периодов наше изложение опять распадается на три части: мы изучаем, во-первых, происхождение и исторические прецеденты каждой из отмеченных трех перемен, во-вторых, организацию каждого из трех сменившихся порядков и, в-третьих, их применение на практике. Таким образом, глава I излагает происхождение, глава II организацию и глава III — функционирование приказного финансового строя; главы V—VII происхождение, организацию и функционирование сменившего его губернского строя; наконец, главы VIII—X происхождение, организацию и осуществление на практике — новой административной и податной реформы». ⁷³ Характерно, что в этом перечне отсутствует IV глава, и этим лишний раз подтверждается, что она была своеобразным рудиментом первоначального замысла, занимала побочное место в «главной цепи выводов» автора. Еще одним доказательством этого служит тот факт, что, последовательно резюмируя в заключении содержание всех глав, Милюков выводы четвертой главы поместил не на своем месте, а между выводами шестой и седьмой глав. ⁷⁴ Если бы она была одним из звеньев «главной цепи», ее нельзя было бы переставить с такой легкостью.

В совокупности выводов основного текста и заключения «реформа Петра Великого» изображалась и оценивалась Милюковым следующим образом. Он, по его утверждению в мемуарах, «отвергал старую постановку спо-

ра, как он велся в поколениях 40–70-х годов. Славянофилы стояли на принципе русской самобытности, западники — на принципе заимствования западной культуры. Мой тезис был, — продолжает Милюков, — что европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды. При таком понимании происхождения реформы надо было связать ее с предыдущим процессом внутреннего развития». ⁷⁵ Но «тезис» Милюкова не был новым. Приоритет в этом «тезисе» всегда отдавался в литературе С.М.Соловьеву, впервые попытавшемуся преодолеть в оценке петровских реформ западнические и славянофильские крайности указанием на «органический» характер этих реформ. ⁷⁶ Видимо, имея в виду Соловьева, Милюков оговаривался: «Собственно говоря, эта идея о подготовленности Петровской реформы предыдущим развитием, — о ее, так сказать, органичности, была уже в то время более или менее общепризнанной». ⁷⁷ Личная заслуга автора «Государственного хозяйства» заключалась в том, что тезис о подготовленности реформ был проиллюстрирован им на конкретном материале.

Но давая материал для доказательства тезиса об «органичности», подготовленности реформ, на деле Милюков такого тезиса не выдвигал. Более того, в заключительной главе он утверждал почти прямо противоположное. Он писал, что так как реформы были в глазах Петра только средством достижения вполне определенных внешнеполитических целей, то они были «необходимы» и «своевременны» лишь постольку, поскольку были необходимы и своевременны эти цели. «В необходимости целей, в которой сомневались современники Петра (самая серьезная формулировка этих сомнений сделана И.-Г. Фоккеродтом), было бы теперь поздно и бесполезно сомневаться; относительно своевременности их постановки могут быть, к сожалению, два ответа... По отношению к внешнему положению России своевременность постановки этих целей доказывается уже их успешным достижением; вероятно, эта своевременность подтвердится из сопоставления фактов европейской политики, в которой Россия не могла отсутствовать. По отношению к внутреннему положению ответ на вопрос о своевременности должен быть отрицательным. Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало еще достаточными средствами для их выполнения. Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие. Утроение податных тягостей ... и одновременная убыль населения, по крайней мере, на 20% — это такие факты, которые, сами по себе, доказывают выставленное положение красноречивее всяких деталей. Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы». ⁷⁸ Как видим, внутреннюю обусловленность превращения России в «европейскую державу», а следовательно и внутреннюю обусловленность реформ, Милюков отрицает, признавая лишь внешнюю. Что же касается «необходимости» такого превращения, на этот вопрос он отвечает неоднозначно. При этом возможные «сомнения» подкрепляются ссылкой на Фоккеродта, суждения которого имели для Милюкова большой авторитет. ⁷⁹

Таким образом, признавая принципиальное сходство российского и западноевропейского исторических процессов, Милюков был далек от мысли о вполне подготовленном, зрелом, «органичном» характере реформ. По его мнению, Россия к началу XVIII в. не готова была еще занять положение «европейской державы», но занять его пришлось, чтобы не упускать благоприятной внешнеполитической конъюнктуры.

Именно в этом аспекте и рассматривался Милюковым вопрос о «необходимости» реформ. Поскольку административные реформы были вызваны финансовыми трудностями, а последние — Северной войной, а по большому счету — активной внешней политикой Петра, то «необходимость» их рассматривалась не как внутренняя историческая обусловленность, а как симинутная нужда. Для Милюкова, а еще ранее для В.О.Ключевского, война была причиной, а реформа — следствием, в то время как С.М.Соловьев располагал эти явления в обратном порядке. Соловьев считал, что война «входила в общий план преобразования, как средство для достижения ясно сознанных, определенных целей этого преобразования, входила в общий план, как школа, дававшая известное приготовление народу, приготовление, необходимое в его новой жизни, новых отношений к другим народам».⁸⁰

Поскольку ход преобразований Милюков связывал с симинутными военными и финансовыми нуждами, отсюда естественно следовал вывод об отсутствии в правительственных мерах, в особенности до коллежской реформы, общего плана, о спонтанности и взаимной несогласованности этих мер.⁸¹ Этот вывод не был совершенно новым — не только по отношению к взглядам Ключевского, но также и других авторов. И ранее, как в научной литературе, так и в публицистике, высказывались мнения, что Петр действовал «ощупью» или по крайней мере, «не сразу дошел до общего плана реформ».⁸² Но Милюковым этот вывод был сформулирован в наиболее категоричной форме и с его именем вошел в литературу.

Принципиальный характер имело расхождение Милюкова и его оппонентов по вопросу о личной роли Петра в реформе. Эти два вопроса (о степени планомерности реформы и о личной роли в ней царя) разграничивались Милюковым, что видно из вывода восьмой главы — даже после вступления реформы в «сознательный фазис» роль царя оставалась скромной. В заключительной главе он высказался в аналогичном духе: «Стихийно подготовленная, коллективно обсужденная ... реформа ... только из вторых рук, случайными отрывками проникала в его [царя - А.М.] сознание».⁸³

Документированная критика со стороны Н.П.Павлова-Сильванского, указавшего, во-первых, на более самостоятельную роль Петра по отношению к «прожектерам», а во-вторых, на то, что судьба реформ зависела во многом лично от Петра,⁸⁴ побудила Милюкова к корректировке позиции. В 1898 г. он признавал: «Вопрос, в какой степени Петр лично участвовал в реформах последнего периода, остается еще спорным».⁸⁵ А в 1901 г. в «Очерках по истории русской культуры» Милюков изложил свою новую позицию. Фрагмент о Петре был, по словам самого автора, ответом критикам

его диссертации.⁸⁶ Ответ заключался в том, что на сей раз Милюков признавал активную роль царя в реформах, но — скорее отрицательную.

В связи с этим интерес представляет продолжение характеристики (начало ее цитировалось выше), данной Милюковым своей диссертации в мемуарах. Рассуждая об «органичности» реформ, он писал: «Личность Петра при этом отодвигалась на второй план. Славянофилы имели возможность даже представлять действие этой личности, как элемент насилия над нормальным ходом русской истории. Элемент насилия, конечно, был, и нельзя отрицать, что он ускорил реформу. Но, с точки зрения органичности русского развития — в направлении общем с европейским, — задача представлялась сложнее. Надо было выделить элемент насилия — и определить степень влияния последнего, разделив при этом элемент необходимого и элемент случайного. Меня потом упрекали в умалении роли Петра, не понимая моей основной цели — стать при оценке реформы над упрощенным, ставшим банальным, противопоставлением неподвижной самобытности — и насильственной ломки».⁸⁷

Названная здесь «задача», как нам представляется, ставилась на самом деле не перед диссертацией Милюкова, а перед посвященным Петру фрагментом «Очерков», поскольку «элемент насилия», т.е. личная роль Петра, не был как следует изображен в диссертации. Частично причина того, что в ней роль Петра вышла чрезмерно скромной, заключалась, несомненно, в свойствах темы — финансы и администрация, полагал Милюков, интересовали царя в его преобразовательной деятельности далеко не в первую очередь. Тем самым царь был представлен как играющий незначительную роль в событиях. Когда же в «Очерках» Милюков обратился к общей характеристике деятельности Петра, вдобавок, находясь под влиянием упреков в умалении его личной роли, тогда он оценил эту роль несколько иначе. Признавая, что эта роль была крупной, он утверждал, что она была скорее отрицательной, т.е. элемент «случайного», ненужного насилия преобладал над элементом насилия «необходимого».⁸⁸ Вышел своеобразный синтез соловьевского и славянофильского взглядов. Реформа была представлена «органичной» (какой считал ее С.М.Соловьев), поскольку в нее не вмешивался царь, и насильственной (какой считали ее славянофилы) — поскольку влияние царя все же сказывалось.

При таком понимании исчезает видимое противоречие между цитируемыми строками «Воспоминаний» о том, что в диссертации доказывалась «органичность» реформ, и выводом самой диссертации об их «несвоевременности». Выходит, по Милюкову, что «органичны» были петровские реформы в том смысле, что шли самотеком, без личного участия царя, а не в том, что созрели в ходе предшествовавшего исторического развития. Здесь целесообразно, опережая дальнейшее изложение, обратиться к теоретическим взглядам Милюкова на исторический процесс, которые он высказал в систематизированном виде, начиная с 1892 г., в литографированных лекциях, а затем в «Очерках по истории русской культуры». Согласно этим взглядам, ход истории определяется тремя факторами — внутренней закономерной тенденцией общественного развития, условиями среды (природной и внешнеполитичес-

кой) и действиями отдельных личностей. В теории Милюков отказывался признать какой-либо из факторов более важным по отношению к другим. На практике, в конкретном случае с государственной реформой Петра, Милюков выстраивал иерархию указанных факторов: «Не личная инициатива и не исторические прецеденты вызвали эту реформу, хотя тот и другой элемент в ней соединились; ее вызвали текущие потребности минуты, в свою очередь созданные и личной инициативой, и историческими прецедентами».⁸⁹ Здесь на первое место ставится фактор внешних условий — «текущие потребности минуты», вызванные войной. Остальные два фактора в данной фразе поставлены наравне, но как отмечалось выше, в целом в тексте диссертации Милюков отдавал явное предпочтение значению «исторических прецедентов», т.е. внутренней эволюции общества. Таким образом, личность Петра как фактор преобразований оказывается на последнем месте.

В итоге, по схеме диссертации «условия среды», сдерживавшие ранее «внутреннюю эволюцию» России, при Петре ускорили ее при пассивной роли самого царя. По схеме «Очерков» царь тоже повлиял на «ускорение», но как «элемент насилия», притом в значительной степени «случайного», сопровождавшегося большими издержками.

Личную роль Петра в других сферах его деятельности, кроме финансовой и административной, — культурной, военной, дипломатической, социальной Милюков оценивал в диссертации иначе. Этим сферам он уделил внимание в заключительной главе. Военная и дипломатическая сферы испытали на себе, по его словам, гораздо большее влияние царя, увлекшегося военными действиями и дипломатической борьбой. К культурной стороне царь, стремившийся к «переодеванию» России в европейский костюм, также питал несомненный интерес. Но здесь Петр столкнулся с невозможностью полной реализации своих замыслов. Перенеся на русскую почву внешне формы западноевропейской культуры, он далеко не в той же степени перенес их «сущность».⁹⁰

Была, по Милюкову, и такая сторона реформы, которая подверглась личному влиянию царя в еще меньшей степени, чем государственная, а именно — социальная. Если государственным реформатором Петр был хотя бы «поневоле», то «о «социальной» реформе Петра можно говорить только условно. За исключением мер, принятых в последние годы под влиянием идей меркантилизма в пользу городского класса, Петр не был социальным реформатором. «Те крупные перемены, которые можно наблюдать в его время в положении других сословий, суть только косвенные, и менее всего предвиденные им самим последствия его законодательства».⁹¹ Как видим, и в целом, за пределами темы, отношение Милюкова к личной роли Петра в преобразованиях было довольно скептическим. Но историк настаивал, что книга его не включает в себе «оценку реформы во всей ее совокупности». Защищая свой взгляд на реформу от будущих критиков, он писал: «Мы желали бы, чтобы критики его не выходили из того круга явлений, из которого мы его вывели».⁹²

Такое требование имело бы свои резоны, если бы автор действительно сосредоточился лишь на частных вопросах и отказался от общей оценки

реформы. Но он не соблюдал это условие. Уже сам заголовок книги говорит об этом. Если Милюков хотел подчеркнуть специальный характер книги, то понятие «реформа Петра Великого» должно было быть конкретизировано в заголовке. Затем, в начале заключительной главы, которую он рекомендовал массовому читателю как вполне самостоятельную часть книги, Милюков заявлял: «Это общее резюме содержания книги будет вместе с тем и общим изображением хода реформы Петра Великого».⁹³

Показательна перепалка Милюкова с П.В.Безобразовым и А.Н.Пыпиным. Забыв о своей собственной рекомендации читателям-неспециалистам ознакомиться в первую очередь с заключительной главой, Милюков упрекал своих рецензентов в пренебрежительном внимании к этой главе.⁹⁴ Очевидно, Милюков рассчитывал не на критику концепции, содержащейся в заключительной главе, дотошными рецензентами, а на ее усвоение рядовым интеллигентным читателем.

Политическое значение диссертации признавал сам автор. «Вопрос о роли личности Петра — один из очень деликатных вопросов нашей истории. Идея Петра еще живет и мы еще боремся за и против нее. Естественно, что до сих пор мы склонны или идеализировать, или развенчивать эту личность и до сих пор мало способны сохранять при этой оценке необходимое спокойствие. Довольно легко предвидеть, что и мое изображение будет подведено под категорию развенчивания». Но несмотря на это предвидение, он писал: «Я не думаю, чтобы на основании моего взгляда меня стали серьезно обвинять в отрицательном отношении к идее петровской реформы».⁹⁵

Тут надо различать два аспекта проблемы. Поскольку Милюков был либералом западнического толка, то к «идее» петровской реформы — сближению России с Западной Европой — он относился, безусловно, положительно. Но так как он был либералом как таковым, к практической реализации реформы сугубо самодержавными методами он отнесся весьма скептически. Намек на собственный идеал Милюкова можно видеть в одном из подготовленных им к защите диссертации тезисов: неудовлетворительное положение вещей, сложившееся после губернской реформы 1708-1712 гг., «сделалось предметом оживленного совместного обсуждения правительства и общества в форме “доношений” сведущих людей правительству. Реформа вступила вместе с этим в последний, более сознательный фазис».⁹⁶ Здесь налицо либеральная риторика: совместные усилия правительства и «общества», выработка правительственных мер с участием «сведущих людей» и, как результат, — улучшение никудышной ситуации, созданной единоличными действиями правительства.

Любопытно, что писал Милюков о той особенности диссертации, которую критики называли «умалением роли Петра»: «Мне посчастливилось провести эту идею, не только не ломая материала, но и найдя в нем обильные и неопровержимые доказательства правоты моей постановки».⁹⁷ При желании эту фразу можно интерпретировать так — в случае, если бы Милюкову не «посчастливилось», он не остановился бы перед «ломкой материала».

В целом Милюков был более оригинален в конкретном исследовании петровской эпохи, нежели в общих оценках, так как и ранее Петр под-

вергался критике за деспотизм и разорение народа. Так, вывод о возведении России в ранг европейской державы ценой разорения был сделан в сходной форме еще Н.И.Костомаровым.⁹⁸ Наиболее независимым от предшественников общим выводом диссертации был, пожалуй, вывод о скромной личной роли Петра в преобразованиях. С.М.Соловьев, весьма положительно относившийся к личности и деятельности первого русского императора, делал оговорку о его «неприготовленности» к реформам. К.Д.Кавелин, также бывший «страстным поклонником Петра», оговаривался, что царь не имел теоретической подготовки, но, «как человек в высшей степени практический», был подведен к преобразованиям «самой силой вещей». Под этим понималась, в первую очередь, необходимость борьбы за балтийское побережье, потребовавшей преобразования войска по европейскому образцу и создания флота; эти реформы, в свою очередь, вызывали нововведения и перемены во внутреннем быте». Развивший эту мысль В.О.Ключевский пошел еще дальше, полагая, что Петр, будучи реформатором, не осознавал себя таковым, — реформа выросла из его повседневной будничной деятельности.⁹⁹ Милуков же решил, что Петр не только не осознавал себя реформатором, но и не был им. Имела место «реформа без реформатора».¹⁰⁰

Ключевский, очевидно, повлиял на оценку Милуковым петровских реформ не только в научном, но и в политическом плане. Но, как представляется, кроме Ключевского большое влияние на Милукова должен был оказать тесно контактировавший с ним В.А.Гольцев, магистерская диссертация которого — «Государственное хозяйство Франции в XVII в.» (М., 1878) — содержала отдельную главу (в плане сравнительно-исторического изучения) о «государственном хозяйстве» России; в диссертации содержалось утверждение о росте государства за счет разорения масс.¹⁰¹ А в предисловии к своей докторской диссертации Гольцев писал: «Деятельность Петра Великого и шедших по его следам русских правителей XVIII века представлялась мне гораздо более благотворной, чем это оказалось для меня по окончании моего труда».¹⁰² Очевидно, Гольцев, написавший эту книгу в тюрьме, куда угодил за либеральные убеждения, и издавший ее как раз в тот момент, когда Милуков начал сотрудничать в его журнале «Русская мысль» (1886), постарался, чтобы молодой коллега с самого начала не был «предубежден» в пользу Петра.

Из откликов на диссертацию Милукова наибольший интерес представляют рецензии того же Гольцева и А.Н.Пыпина, так как прочие рецензенты либо ограничивались кратким пересказом и похвалами, либо углублялись в частные вопросы, а критика П.В.Безобразова была явно пристрастной.¹⁰³

Гольцев, в целом настроенный по отношению к Милукову доброжелательно, выдвинул два замечания. Первое из них говорило о том, что рецензент не понял суть авторской концепции. Гольцев приписывал Милукову мнение, что причиной Северной войны была экономическая отсталость России, и успешно его опровергал.¹⁰⁴ Разумеется, ничего подобного Милуков не утверждал; наоборот, Северную войну он считал

причиной финансовых и экономических трудностей, вызвавших, в свою очередь, реформу. Другой недостаток диссертации Гольцев видел в «некоторой односторонности почтенного автора», «приближающегося к теории экономического материализма».¹⁰⁵

Аналогичный упрек делал Милукову А.Н.Пыпин,¹⁰⁶ который, признавая необходимость изучения «материальных процессов истории», все же был приверженцем «истории идей». Но главная претензия Пыпина заключалась в другом. Будучи непримиримым противником славянофильства в любых его проявлениях, Пыпин придавал оценке роли Петра в русской истории принципиальное значение. Между тем двумя годами ранее, в 1890 г., Милуков, рецензируя одну из работ Пыпина, заметил, что последний не совсем удачно защищает Петра от славянофилов: «Нападения, направленные против популярных искажений славянофильской теории, мало задевают самую эту теорию».¹⁰⁷ Сопоставляя это замечание с оценкой роли Петра в диссертации Милукова, Пыпин вполне мог заподозрить у своего коллеги прославянофильские настроения, и это был достаточный повод, чтобы дать отпор. Но даже если Пыпин уже в то время был достаточно близко знаком с идейной физиономией Милукова и знал о неприятии им славянофильства, все равно выход солидного научного исследования, ставившего под сомнение авторитет Петра, побуждал его выступить на защиту императора. Таким образом, столкновение двух представителей либерального лагеря было плодом недоразумения. Милуков, как и Пыпин, положительно относился к «идее» петровской реформы, но для последнего сам царь олицетворял эту «идею», а первый отделял фигуру царя от процесса европеизации. Положительная оценка процесса сочеталась у Милукова с пренебрежительной оценкой Петра.

В тесной связи с магистерской диссертацией Милукова находилась другая его работа — отзыв на книгу А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований». Отзыв, получивший заголовок «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», разросся до солидных размеров. Работая над ним, автор не ограничился данными рецензируемой книги, а привлек архивный материал.

В отзыве Милуков указал, что считая выбранную Лаппо-Данилевским тему важной и актуальной, он не согласен с тем обоснованием, которое дал ей автор, утверждающий, во-первых, что в истории отдельного народа должны изучаться «преимущественно специфические явления, свойственные национальному типу, а не черты, общие ему с другими народностями»; во-вторых, что «наиболее специфическим явлением русской национальной истории ... является Московское государство XVII в.»; а в-третьих, что в «финансовой истории XVII в. находится разгадка специфических особенностей русской национальной истории».¹⁰⁸ Несогласие Милукова вполне объяснялось его собственным выводом относительно истории России XVII в.: «... Там, где мне, и не мне одному, представлялся цельный, неподвижно установившийся государственный строй, на самом деле шла огромная и изумительно быстрая работа роста государственных

учреждений. С середины XVI в. до конца XVII в. успели возникнуть и разрушиться целых три финансовых системы...».¹⁰⁹ Но кроме этого вывода в основе указанного несогласия лежала более общая теоретическая причина — Милюков вообще отрицал наличие в русской истории устойчивого «национального типа». Подробнее он развил этот тезис в «Очерках по истории русской культуры».

Еще одно общее замечание Милюкова относилось к «приемам изложения», использованным Лаппо-Данилевским. Рецензент упрекал автора, что тот, оставив в стороне ценный источник по финансовой истории — регистрационные книги московских приказов, в которых схема функционирования финансового механизма государства была представлена в компактном и наглядном виде, — пытался воссоздать эту схему на основе отрывочных показаний необозримого актового материала, далеко уступающих в данном вопросе показаниям приказных книг по четкости и полноте. За Лаппо-Данилевского вступился петербургский историк М.А.Дьяконов, указавший, что петербуржцу за короткое время «командировки» в Москву трудно сразу сориентироваться в архивных материалах и использовать наиболее информативные из них. С другой стороны, знаток московских архивов С.Б.Веселовский поддержал упрек Милюкова в адрес Лаппо-Данилевского.¹¹⁰

Для отзыва Милюков избрал хронологически-проблемную структуру. Первая из двух глав была озаглавлена «Время, предшествующее XVII веку», вторая — «XVII век». Первая глава делилась на три параграфа — «Податная система», «Волостная финансовая организация», «Техника податного обложения»; вторая на четыре — «Податные классы», «Податная система», «Механизм податного обложения и раскладки», «Финансовая администрация».

Причиной углубления Милюкова в XVI век было то, что первая половина XVII в., «может быть, во многих отношениях окажется в конце концов теснее связанной со второй половиной XVI-го, чем со второй половиной XVII века».¹¹¹ Между тем финансовая история XVI века была в то время практически не изученной.

Податную систему, сложившуюся в Московском государстве накануне XVII в., Милюков рассматривал по предложенной в книге Лаппо-Данилевского схеме, согласно которой часть налогов возникла из потребностей княжеского хозяйства, другую часть представляли налоги на оборону и третью — налоги, установленные впервые татарами. Но сама эта схема была подвергнута Милюковым критике. Он делал скептическую оговорку относительно первой рубрики указанной схемы: «Идея частнохозяйственного происхождения государственных отношений Московского княжества принесла, бесспорно, большую пользу нашей науке. Тем не менее, в наше время, кажется, роль этой идеи следует считать сыгранной. Рамки ее оказались слишком узкими».¹¹² Таким образом, Милюков не был большим поклонником «вотчинной теории» происхождения Московского государства. Большинство налоговых сборов, причисленных Лаппо-Данилевским к первой группе, имели, по Милюкову, с самого начала не частнохозяйственный, а государственный характер.

Относительно второй группы рецензент указал, что она «совсем не имеет» подразумеваемого автором «хронологического единства»: часть военных налогов более древнего происхождения, чем предположил Лаппо-Данилевский, а стрелецкая подать, напротив, более позднего. Сам Милюков обнаружил в развитии налогов иную логику. Серединой XVI в. он датировал одну из общих военно-финансовых реформ, пережитых Россией.¹¹³

Рассматривая третью группу — «налоги, выводимые из татарского завоевания», — Милюков наибольшее внимание уделил «дани», попутно высказав мнение о происхождении поземельной общины: «В раскладке дани мы склонны видеть зародыш и волостной тяглой организации, и репартиционной системы северо-восточной Руси».¹¹⁴

Подробно вопрос о происхождении общины Милюков рассмотрел во втором параграфе. Между тем как Лаппо-Данилевский склонялся «в знаменитом споре Чичерина и Беляева» на сторону И.Д.Беляева, Милюков был последователем Б.Н.Чичерина. Не отрицая в принципе, как и Чичерин, существования общины в древности, Милюков отрицал преемственность между этой древней общиной и позднейшей, сложившейся в средневековой Руси. Последнюю он считал продуктом совместных усилий правительства и вотчинников, заинтересованных в исправном несении крестьянством податей. Вопрос о происхождении поземельной общины Милюков затрагивал и в других трудах, трактуя его в том же духе.¹¹⁵ Концепция Чичерина-Милюкова подвергалась в советской историографии ожесточенной критике, а между тем сами советские историки не выработали единого мнения, и до сих пор многие вопросы истории общины остаются в отечественной науке дискуссионными. Причем, если, с одной стороны, признается доказанной генетическая и сущностная связь древней и средневековой общины, то, с другой, — не оспаривается тот факт, что поземельный механизм общины (т.е. аспект ее истории, больше всего интересовавший Милюкова) развился лишь в позднее средневековье и в новое время.¹¹⁶

Параграф о «технике податного обложения» до XVII в. был разделен на два пункта: «Окладная единица (соха)» и «Руководство по сошному обложению (книга сошного письма)». Параграф этот — самый большой в отзыве Милюкова и, пожалуй, самый важный. В нем Милюков в значительной степени отвлекся от критики и изложил результаты собственного исследования. Сам он признал, что сосредоточил на истории сошного письма «особенное внимание».¹¹⁷

В истории окладной единицы — сохи — Милюков определил два главных этапа. Для этого он воспользовался «сотными выписями» из писцовых книг XVI в., содержащимися в монастырских грамотах, которые в большом количестве сохранились в фонде «грамот коллегии экономики» в МАМЮ, а также в собрании И.Д.Беляева в Румянцевском музее. На первом этапе, до середины XVI в., соха не соответствовала строго определенной мере земельной площади. В связи с этим Милюков выдвинул предположение, что в то время налогообложению подлежала не земля, а рабочая сила, что соха состояла из 32-х конных рабочих. Это

предположение сразу же подверглось критике в литературе и в дальнейшем было признано спорным, хотя и «весьма интересным»; причем фактическая основа, на которой оно строилось, поставлена под сомнение Е.И.Кольчевой.¹¹⁸

Напротив, вывод Милюкова о том, что второй этап в истории сохи начался с 50-х гг. XVI в., утвердился. Сущность установленной историком реформы «сошного письма» заключалась «в определении сохи как единицы распаханной пашни, и в установлении ее размеров».¹¹⁹ Соответственно произошли изменения в приемах «писцового дела». Если ранее в сотных выписях из писцовых книг не содержалось указаний, «какое количество пашни переводится на соответствующее количество сошного письма», то после реформы писцов интересовали в первую очередь количество и качество пашни. В подтверждение этого вывода Милюков опубликовал в приложении список писцовых и дозорных книг XV-XVI вв. Работа по составлению такого списка была признана в литературе важной и продолжена.¹²⁰

Специальный экскурс Милюкова, посвященный происхождению и составу «книг сошного письма» — справочников для составителей писцовых книг, — основывался на изучении нескольких списков этих книг, хранившихся в МГАМИД и в петербургской Публичной библиотеке. В связи с этим экскурсом Милюков опубликовал в приложении обнаруженный им «Проект введения новой землемерной единицы “поприща” для финансовых и военных целей».¹²¹

Как видно из приведенных выше заголовков параграфов милюковско-го отзыва, его вторая глава строилась приблизительно по такой же схеме, что и первая (податная система — механизм обложения — финансовая администрация). Лишь первый параграф второй главы — о «податных классах» — выпадал из этой схемы. Это, очевидно, было вызвано тем, что в нем рассматривалась первая глава книги Лаппо-Данилевского, которая, по словам Милюкова, осталась в этой книге «за порогом» общего плана, получив «как бы вступительный характер».¹²² При анализе этой главы Милюков следовал за изложением Лаппо-Данилевского.

Во втором параграфе — о податной системе XVII в. — Милюков рассмотрел историю различных прямых налогов на протяжении столетия. Особое внимание он уделил «малым» и «большим ямским деньгам», происхождение которых было неверно освещено Лаппо-Данилевским, а также стрелецкой подати, которую Лаппо-Данилевский ошибочно смешивал с «деньгами за стрелецкий хлеб». В конце параграфа, рассматривая вопрос о ясаке, Милюков оспаривал мнение Лаппо-Данилевского, что «в отношениях своих к инородческим племенам Сибири Московское правительство обнаруживало глубокий политический смысл», отказываясь от насильственного завоевания, но «старалось прельстить их сперва внешним блеском, а затем и внутренним содержанием европейской цивилизации». По Милюкову, «трудно поверить, чтобы эта идиллия во вкусе Карамзина, построенная на некоторых мягких выражениях воеводских наказов, могла иметь какое-либо отношение к действительному

процессу покорения Сибири, в котором чисто римская последовательность сочеталась с жестокостью конквистадоров эпохи открытий». Характерно, что в «Очерках по истории русской культуры» Милюков столь же нелестным образом отзывался о внешнеполитических успехах Москвы на западе: территориальные приобретения XV-XVI вв. в борьбе с Литвой производили на него впечатление «давящего кошмара».¹²³

Главное место в третьем параграфе о «механизме податного обложения и раскладки» заняли вопросы о составлении в XVII в. писцовых и переписных книг и о живущей четверти. Милюков отметил заслугу Лаппо-Данилевского, который впервые «точно различил типы писцового материала XVII в., писцовые и переписные книги, и указал главные моменты, когда те и другие составлялись по всей России». Собственная же заслуга Милюкова состояла в том, что он обнаружил в характеристике писцовых и переписных книг Лаппо-Данилевским также и «существенный недостаток»: «Несмотря на самое обстоятельное описание различий между теми и другими, автор, как нам кажется, не уловил основной фискальной причины их разницы, — именно не заметил того обстоятельства, что писцовые книги предназначались для раскладки податей по сохам, а переписные — для раскладки их по дворам».¹²⁴

О взглядах Милюкова на происхождение и сущность живущей четверти и корректировке этих взглядов в «Спорных вопросах» по сравнению с «Государственным хозяйством» сказано выше. Можно добавить, что, критикуя точку зрения Лаппо-Данилевского на происхождение этой окладной единицы, Милюков категорически отверг предположение, будто бы правительство после Смуты перешло от поземельного обложения к подворному для того, чтобы стимулировать рост запашки. Между тем такое предположение было высказано на магистерском диспуте Милюкова В.О.Ключевским, и по свидетельству очевидца В.А.Маклакова явилось для диссертанта совершенно неожиданным. Так как в ходе диспута Милюков ссылаясь на собственную трактовку проблемы «живущей четверти» в готовившихся в то время к печати «Спорных вопросах», то по всей вероятности, ничего неожиданного для него в предположении Ключевского, уже ранее им отвергнутом, не было.¹²⁵ Таким образом, или во время диспута Маклаков плохо разобрался в существе вопроса, или при написании воспоминаний хотел любой ценой подорвать научный авторитет своего идейного противника (Милюкова). А скорее всего, и то, и другое.

Заключительный, четвертый параграф был посвящен истории областной и центральной финансовой администрации XVI-XVII вв. (поскольку в первой главе рецензии была рассмотрена лишь волостная финансовая организация до XVII в.). По содержанию именно этот параграф наиболее тесно примыкал к диссертации Милюкова. В нем он воспроизвел собственную схему эволюции центральных финансовых учреждений Московского государства.

В кратком «общем заключении» своего отзыва Милюков давал высокую оценку книге Лаппо-Данилевского, признавал, что «оконча-

тельный приговор по поводу обсуждавшихся здесь спорных пунктов принадлежит третьим лицам», а среди общих недостатков книги указывал такой, который обычно, наоборот, петербургские историки находили у москвичей: «Потребность отыскивать общий смысл в изучаемых им деталях явления составляет, конечно, одну из самых симпатичных сторон исследования автора; но, к сожалению, его общие точки зрения не всегда стоят в органической связи с детальным исследованием; не вытекая непосредственно из материала, они иногда даже препятствуют автору внимательно наблюдать свой материал в его ближайшей обстановке».¹²⁶

Ввиду своего сугубо специального характера и отсутствия «прикладной» части «Спорные вопросы» не имели той громкой рекламы в прессе, которой удостоилось «Государственное хозяйство». Нам известны лишь два непосредственных отклика — краткая аннотация В.Н.Сторожева и обстоятельный разбор М.А.Дьяконова.¹²⁷ Но так как многие затронутые Милюковым вопросы продолжали оставаться спорными (некоторые остаются до сих пор), то эта работа не была обделена вниманием позднейших исследователей; и так как многие его выводы сохранили в дальнейшем свое научное значение, то она была высоко оценена в литературе.¹²⁸

В целом своими исследованиями по истории финансов и государственных учреждений России конца XVI — начала XVIII вв. Милюков приобрел солидную научную репутацию. В их тематике отразилось первоочередное внимание тогдашней исторической науки к «материальной истории». Основанные на громадном архивном материале, большей частью впервые вводимом в научный оборот, они в то же время отличались строгой логикой изложения авторской мысли. Выводы обеих работ получили признание специалистов.

Главным результатом магистерской диссертации Милюкова стало выяснение фактической связи между финансовым состоянием России, ведущей в начале XVIII в. тяжелую Северную войну, и преобразовательными мерами Петра I в сфере административного устройства. Автор обнаружил и проанализировал ценные материалы по истории русского бюджета конца XVII — начала XVIII в., исследовал и сопоставил данные нескольких переписей населения, изучил вопрос о происхождении губерний, выяснил предпосылки и обстоятельства коллежской реформы, обнаружил обширные данные об участии в подготовке петровских преобразований «сведущих людей» — авторов многочисленных проектов, рассмотрел судьбу преобразований в первые годы после смерти их инициатора.

В обширном отзыве на труд А.С.Лаппо-Данилевского Милюков не ограничился критикой и предпринял самостоятельное исследование некоторых вопросов финансовой истории второй половины XVI-XVII вв. Ему удалось достичь важных выводов при изучении финансовой реформы 50-х гг. XVI в., углубить наблюдения Лаппо-Данилевского по истории составления писцовых и переписных книг.

Первая из двух работ, «Государственное хозяйство», имела, кроме специально научного, также и определенное общественное значение.

б) Теоретико-методологические вопросы исторической науки и концепция русской истории в «Очерках по истории русской культуры»

Самый большой по объему исторический труд П.Н.Милюкова — «Очерки по истории русской культуры» — был в первую очередь попыткой ученого изложить собственную концепцию русской истории. Параллельно историк сформулировал в этом труде собственные взгляды на теорию исторического процесса и методологию его изучения.

Общепризнан тот факт, что по своим философским взглядам Милюков был позитивистом. Притом его позитивизм был «воинствующим». Свойственное позитивистам неприятие «метафизики» (т.е. попыток объяснять какие-либо явления не на основании эмпирических данных, а с помощью умозрительных построений) очень ярко проявлялось во взглядах Милюкова. В борьбе против «метафизики» он был очень активен — и заслужил соответствующую репутацию.¹²⁹

Непрерывно полемизируя с Н.И.Кареевым, Милюков относил интенсивно разрабатывавшиеся тем вопросы «философии истории» целиком к области «метафизики» и считал их недостойными научного интереса. Но при всем этом автор «Очерков» понимал, что существуют вопросы, не решаемые в рамках опыта, но доступные лишь «философскому объяснению».¹³⁰ Здесь сказывалось влияние И.Канта, строго разграничившего сферы, доступные и не доступные опытному познанию. Сам Милюков признавал влияние на себя Канта, но следует сказать, что влияние это носило односторонний характер. Обладая насквозь рационалистичным мировоззрением, Милюков чувствовал себя уверенно лишь там, где мог опереться на разум. А разум мог получить твердую опору лишь в сфере опыта, реальных фактов; в сфере «метафизики», по Канту, применение разума не могло дать надежных результатов — там приходилось иметь дело не с фактами, а с ценностями и там вступали в свои права вера, чувство, интуиция. Потому-то Милюков всячески сторонился «метафизики» и пытался доказать, что его теоретические и концептуальные построения имеют строго «позитивный» характер, полностью базируются на фактах, без примеси субъективизма.

Фактически, конечно, Милюков не был свободен от субъективизма. Априорность его исходных мировоззренческих установок, существенно влиявших на его научные взгляды, признавалась им самим; на нее указывали и критики Милюкова. Так, утверждение о наличии закономерности в истории — краеугольный камень милюковской теории исторического процесса — доказывалось в «Очерках» следующим аргументом: «...Широкое применение идеи закономерности необходимо вытекает из современного взгляда на мир, точно так же, как идея целесообразности вытекала из старого мировоззрения. Мы принимаем закономерность исторических явлений совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы».¹³¹ Н.М.Соколов, разбирая содержание публичной лекции Милюкова о разложении славянофильства, прямо обвинял автора в

скрытой приверженности к отвергаемой явно «метафизике»: «...Он, на всем протяжении своей лекции изменяя своему методу, вводит в счет понятия, “выходящие из пределов мира феноменального”».¹³²

Впрочем, Соколов критиковал Милюков отнюдь не с позиций «вчерашнего дня», не с позиций защиты «метафизики». На рубеже XIX–XX вв. в методологии общественных наук мода на позитивизм сменилась модой на неокантианство. Первоочередное внимание стало уделяться не истории как таковой, а процессу ее познания. И выяснялось, что содержание исследования зависит не только от его предмета, но и от личности исследователя, его мировоззрения, методики и т.д. С позиций новой методологии признавалось, что во взглядах позитивистов, объявлявших себя непримиримыми врагами «метафизики», оставалось еще много этой самой «метафизики», — отсюда возникала задача устранить ее там, где возможно; а там, где невозможно, по крайней мере, осознать ее присутствие.

Некоторыми исследователями признается существенное влияние неокантианства на Милюкова,¹³³ но едва ли оно имело место. Милюкову, судя по его высказываниям, свойственна была уверенность, что в процессе исследования объективный факт первичен, и лишь на его основе создается теория или концепция.¹³⁴ Притом, в отличие от неокантианцев он настаивал, что в истории, как в естественных науках, есть свои законы, и историк не может ограничиваться описанием индивидуальных фактов, а должен стремиться к обобщениям.

Справедливости ради скажем, что вопрос о различии фактов и представлений о них ставился Милюковым: «...Мы так привыкли обозначать исторические процессы и факты условными общими именами, что часто совсем забываем о том, что общее имя и реальный факт суть две разные вещи».¹³⁵ Но вслед за процитированным утверждением Милюков предлагал путь, которым можно избавиться от указанной ошибки. По Милюкову, проблема в том, что некоторые понятия носят чересчур общий характер. Если же подвергнуть их анализу, то их можно свести к совокупности конкретных фактов — «атомов», наименования которых можно употреблять как строгие научные термины, без боязни подменить «реальный факт» не соответствующим ему «условным общим именем». Это — типичный позитивизм.

О негативном отношении Милюкова к неокантианству свидетельствует и его полемика против П.Б.Струве, в которой Милюков утверждал: «Говорить о необходимости гносеологического обоснования всякого социологического построения — значит, по моему мнению, совершать большую ошибку». По Милюкову, гносеология должна находиться «на той пограничной черте опытного познания, которую она призвана защищать от незаконных вторжений из области сверхчувственного мира», причем с этой границы «она не может двинуться ни взад, ни вперед».¹³⁶ В устах неокантианца такое утверждение выглядело бы странным. Таковым и счел его Н.М.Соколов, в критике которого в адрес Милюкова звучали явственные неокантианские нотки. По Соколову, гносеологии место не только

«на границе», отделяющей сферу опытного познания от сферы ведения «метафизики», но и внутри самого поля опытного познания,¹³⁷ так как устранение из исследования «гносеологической экспертизы» легко может повести к ошибкам. С позиций неокантианства возражение Соколова вполне справедливо.

Эта полемика позволяет уточнить характер связи взглядов Милюкова с философией Канта. О своих студенческих годах Милюков вспоминал: «В теоретико-познавательной школе я усмотрел выход из своих колебаний между научным познанием и ощущением сверхчувственного мира. Критицизм проводил между тем и другим твердую и непроходимую границу — и я за нее ухватился... Критическая философия сделалась одной из границ моей мысли против потусторонних вторжений «сверхопытного» познания».¹³⁸ Как видим, выражения почти те же самые, что в полемике со Струве. Таким образом, влияние Канта было воспринято Милюковым «из первых рук», из трудов самого Канта, задолго до расцвета неокантианства.

Исходя из сказанного, можно оспорить распространенное представление о том, что В.О.Ключевский, хотя его курс и был издан уже в начале XX в., завершал собой XIX в. русской историографии, ее позитивистский период, а Милюков, хотя его «Очерки» начали издаваться еще в конце XIX в., принадлежал уже к новому периоду, к XX в.¹³⁹ Из дневниковых записей Ключевского известны его «неокантианские» настроения к концу жизни. Милюков же не только до конца своей научной карьеры, но и до конца жизни сохранил приверженность позитивизму. Более того, сам Милюков видел одно из своих отличий от Ключевского в том, что последний «говорил, что материал надо уметь спрашивать, чтобы он давал ответы, и эти ответы надо уметь предрешить, чтобы иметь возможность их проверить исследованием».¹⁴⁰ Подобная позиция Ключевского сродни позиции крупнейшего неокантианского социолога начала XX в. М.Вебера. Милюков же относился к ней неодобрительно. Таким образом, скорее Милюков целиком принадлежал XIX веку, а Ключевский, несмотря на свой возраст, смог уловить новые теоретические веяния.

Как подобает позитивисту, Милюков занимал нейтральную позицию в вопросе о том, какие из сторон общественной жизни «должны считаться главными, или основными, и какие — вторичными, или производными». Вопрос этот Милюков предпочитал оставить открытым, и развернувшийся в современной ему историографии спор о «первенстве» духовного или материального элемента в истории казался ему «не особенно плодотворным».¹⁴¹

Нейтралитет по отношению к сторонникам «идеализма» или «материализма» был заявлен Милюковым во введении к первой части «Очерков». Но структура и содержание основного текста этой части навели рецензентов на мысль, что Милюков все же тяготеет к «материализму». В предисловии ко второй части Милюков дал разъяснения. Позиция его сводилась к следующему: «Как бы далеко мы ни пошли в анализе элементов социальной жизни, во всяком случае, основа исторического процесса не может быть проще и однороднее, чем основа человеческой при-

роды, развивающейся в этом процессе. И если где-нибудь можно различать простое и сложное, то это не в разных сторонах человеческой природы, а в различных ступенях ее развития». ¹⁴² Под «основой человеческой природы» в данном случае имелась в виду психика. Это было расшифровано во второй части «Очерков»: «...Современное мировоззрение уже не может более противопоставлять духовную культуру материальной: на ту и другую приходится одинаково смотреть как на продукт человеческой общественности [т.е. социальности — А.М.], как она отразилась в сфере человеческой психики». Миллюков особенно подчеркивал «базисность» психики по отношению к социальным процессам, polemизируя со сторонниками «экономического материализма»: «Материальный» характер экономического фактора есть только кажущийся: на самом деле явления человеческой экономики происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности. Как бы мы ни объясняли явления этой среды, мы не можем, оставаясь в рамках социологического объяснения, выйти за ее пределы; а между тем, только за этими пределами открывается возможность того или другого философского объяснения». ¹⁴³ В третьей части «Очерков» Миллюков сформулировал аналогичный тезис: «Психическое взаимодействие умов со всеми приемами и результатами этого взаимодействия является основной чертой, отличающей новую группу явлений, социальную, от всех других». ¹⁴⁴

Как видим, отказ Миллюкова причислять себя к «идеалистам» или «материалистам» был вызван нежеланием выходить за сугубо социологические рамки и обращаться к «философской» постановке вопроса о том, что «первично». Однако если задаться целью непременно втиснуть автора «Очерков» в прокрустово ложе марксистской философской классификации, его можно поместить ближе к «идеалистам» на основании его фразы о том, что «философский материализм есть один из самых плохих видов монизма». ¹⁴⁵ Но при этом налицо его тяга к «социологическому» (если угодно, «историческому») «материализму». Об этом свидетельствуют и выбор темы для магистерской диссертации, и структура первой части «Очерков», где в основу концепции положена именно история экономики. Да и в теоретическом введении к «Очеркам» «движущими пружинами человеческой психологии» Миллюков называл явления вполне материального характера. ¹⁴⁶

Но и на чисто социологическом уровне имелась разница между Миллюковым и подобными ему историками-позитивистами, с одной стороны, и «экономическими материалистами» «по преимуществу», т.е. марксистами, с другой. Анонимный рецензент одной из статей Н.И.Кареева удачно обозначил разницу между этими двумя направлениями, назвав первое «историческим экономизмом». По мнению рецензента, если «экономический материализм» «исходит из отвлеченной идеи», то «исторический экономизм» строит «свое здание на фактической почве». ¹⁴⁷ То есть для первого дорог был в первую очередь сам принцип объяснения истории через экономику, а второй прибегал к такому объяснению лишь по мере необходимости. Сходным образом объяснял эту разницу и сам Миллюков. ¹⁴⁸

Отказ Миллюкова ставить духовные процессы истории в зависимости от материальных, дал повод говорить о его «плюрализме», приверженности к «теории факторов». В связи с этим в советской историографии Миллюкову приписывалось «принципиальное отрицание монистического понимания исторического процесса». ¹⁴⁹ Однако сам он неоднократно заявлял о своей приверженности к «монизму», и в немарксистской историографии такая приверженность не отрицается. ¹⁵⁰ Суть дела заключается в различной трактовке термина «монизм». В понимании Миллюкова, «монизм требует строгого проведения идеи закономерности в социологии, но он несколько не требует, чтобы закономерное объяснение социологических явлений сводилось к одному “экономическому фактору”». ¹⁵¹ Термин «монизм» Миллюков употреблял в общефилософском, а не в узкосociологическом смысле, имея в виду принципиальное единство духа и материи, невозможность вмешательства в историю «потусторонних» сил, действия которых не укладываются в рационально объяснимые причинно-следственные связи. По словам В.А.Мякотина, «возможности возведения всей жизни к единому началу он искал за пределами исторической науки». ¹⁵²

В рамках же собственно социологии Миллюков действительно придерживался «теории факторов». Но и здесь можно говорить о двух аспектах вопроса: термин «фактор» употреблялся им в двух различных смыслах, которые не всегда четко разграничиваются в литературе. ¹⁵³ Во-первых, Миллюков вел речь о «факторах исторического процесса», «факторах социологической эволюции». ¹⁵⁴ Таковых он выделял три: внутренняя «закономерная тенденция» развития общества, внешняя «обстановка» (природная и внешнеполитическая) и действия отдельных личностей. Это факторы «активные», определяющие своим сочетанием конкретный ход истории. Во-вторых, термин «фактор» использовался в «Очерках» в другом его традиционном значении, как «сторона социальной жизни». В этом смысле Миллюков употреблял, например, словосочетание «экономический фактор» ¹⁵⁵ (аналогично можно вести речь о политическом, социальном и др. факторах). Это факторы «пассивные», своего рода различные русла, по которым исследователь может проследить течение истории.

Речь идет именно об условном, «гносеологическом» разделении потока истории на различные разветвления — экономическое, политическое, и т.д. Отрицая это обстоятельство, некоторые советские историки усматривали во взглядах Миллюкова недопустимый искусственный разрыв различных факторов исторического процесса. Но он заранее отводил такой упрек. ¹⁵⁶

Иное дело «активные» факторы (закономерность, обстановка и личность). Взгляд Миллюкова на их взаимоотношения претерпел эволюцию. Первоначально он акцентировал внимание на случайном характере связи между внутренней социальной закономерностью и внешней средой, и лишь впоследствии стал говорить о тесном взаимодействии этих факторов. ¹⁵⁷

Кроме всего прочего, позитивизм Миллюкова ярко проявился в вопросе об исторической закономерности. Характерно уже само представление Миллюкова о предмете исторической науки. Он предпочитал иметь

дело не с прагматической политической историей, а с социально-экономическими процессами, которые можно изучать статистически. Таким путем он надеялся уйти от истории как случайного нагромождения фактов и приблизиться к пониманию ее «законов».

Идея исторической закономерности была дорога для Миллюкова в первую очередь потому, что утверждала «научный» статус истории. Он не мог, в отличие от неокантианцев, признать право на существование наук сугубо «идиографических», так как, по его мнению, «нет явлений без законов». ¹⁵⁸ По всей видимости, специфику общественных наук по сравнению с естественными Миллюков считал преходящей. Он стремился способствовать тому, чтобы историческая наука приблизилась по степени выявления закономерностей подведомственных ей явлений к наукам естественным. Но ввиду сложности этих явлений он предполагал несколько иной путь поиска закономерностей, чем в естествознании. Если в становлении современного естествознания громадное значение имел «индуктивный метод», обобщение эмпирического материала, то задачу историков Миллюков видел в активном использовании «дедуктивного метода», т.е. в построении социологической теории не на основе социальных фактов, а на основе законов, установленных уже другими науками (политэкономией, психологией, биологией). Необходимость использования «индуктивного» метода он также не отрицал, но указывал на ограниченные возможности этого метода: «...Употребление его зависит от того, имеется ли подходящий материал для наблюдений, а значение выводов ограничивается пределами исследованного материала». ¹⁵⁹ В данном случае налицо влияние на Миллюкова взглядов Д. Юма и Д.С.Милля, ставивших вопрос об ограниченности возможностей индукции в общеполитическом плане. Он сам признавал влияние на себя этих философов, в том числе и по рассматриваемому вопросу. ¹⁶⁰

Как следует предположить, Миллюков рассчитывал, что два исследовательских пути (дедуктивный и индуктивный), прокладываемые с противоположных краев области исторического познания навстречу друг другу (от общего к частному и от частного к общему), должны соединиться и образовать целостную социологическую теорию, основанную на «законах». Образно говоря, историкам, в понимании Миллюкова, следовало решить ту же задачу, которую решил И.Ньютон в физике. ¹⁶¹ Потому-то он и пренебрегал «прагматической историей», занимавшейся поиском бесконечного множества частных причин вместо одного (или нескольких) общего закона. Дальнейшее развитие исторической науки не оправдало «гносеологического оптимизма» Миллюкова. До сих пор сохраняется качественная специфика гуманитарных наук по сравнению с естествознанием.

Впрочем, оптимизм Миллюкова насчет возможности дедуцировать социологические законы, основываясь на достижениях других наук (в первую очередь психологии), не сохранялся все время на одинаковом уровне. Его высказывания на этот счет менялись. В студенческие годы он создал целую схему, в которой процесс исторического развития объяснялся поэтапным преобладанием в человеческой психике волевого, эмоциональ-

ного и рационального элементов. Но уже тогда он считал свою схему «не окончательно доказанной». ¹⁶² В 1887 г. Миллюков полагал, что социологическая дедукция — «дело очень трудное. Если в политической экономии не выходило со времени Смита ни одного замечательного труда, который бы не подготовлял материала для такой дедукции, то психология, может быть, далеко еще до нее не созрела; только элементарные психические процессы трактуются научно». ¹⁶³ Как видим, историк осознал, что для его социологической схемы не существует даже прочного фундамента «психологических законов». Позднее, в первом издании «Очерков», он все еще выражал надежду, что «даже и в настоящее время, поскольку выясняется преобладание двигательных (моторных) элементов в начале психического развития, аффективных и интеллектуальных (чувствований и мысли) в его дальнейшем ходе, — возможно было бы, как нам кажется, обосновать на этой психической эволюции индивидуума — историческую психологию рода». Налицо прежняя идея студенческой схемы. Но в последних изданиях «Очерков», сохранив надежду на возможность «социологической дедукции», автор видел основу для нее уже не в законах «психической эволюции индивидуума», а в «законах коллективной психологии». ¹⁶⁴

В попытках Миллюкова тесно связать социологические законы с психологическими просматривается явный редуционизм. Даже там, где он пишет о качественной специфике социальных явлений, редуционизм налицо: «Ни к чистой механике, ни к чистой биологии свести объяснения социальных явлений не удалось; и если неясна еще граница между психологией и социологией, то только потому, что чисто индивидуальная психология оказывается все более и более неразделенной от социальной, так что в конце концов, рискует окончательно раствориться в последней». ¹⁶⁵ Здесь речь идет лишь об отделении социологии от «индивидуальной психологии»; вопрос о специфике социологии по сравнению с социальной психологией не ставится. Еще ярче сведение социологии к психологии проявляется в определении, которое дает Миллюков сущности социального: «...Психическое взаимодействие умов со всеми приемами и результатами этого взаимодействия является основной чертой, отличающей новую группу явлений, социальную, от всех других». ¹⁶⁶

В связи с отмеченными особенностями взгляда Миллюкова на историческую закономерность представляется неверным мнение И.Д.Ковальченко и А.Е.Шикло, будто у Миллюкова «закономерность в конечном счете отождествляется с причинностью и подменяется ею». ¹⁶⁷ Скорее, наоборот, Миллюков чересчур схематизировал исторический процесс, нежели подменял общие законы частными причинами.

Впрочем, не было недостатка и в критике за чрезмерную схематизацию. ¹⁶⁸ В особенности заслуживает внимания критика со стороны Н.П.Павлова-Сильванского, так как Н.Л.Рубинштейн в свое время неверно изобразил разногласия двух дореволюционных историков. Сравнивая Павлова-Сильванского и Миллюкова, Н.Л.Рубинштейн писал: «Идея единства закономерности лежит в основе взглядов первого, отрицание объективной закономерности определило концепцию второго».

Базой для такого противопоставления послужило убеждение Н.Л.Рубинштейна, что Павлову-Сильванскому «совершенно чужда та внешняя закономерность, состоящая в подчинении общественного развития внешнему фактору физических условий, которая так характерна и для Бокля и для Спенсера... Идея внутренней закономерности, глубоко присущая всему научному мировоззрению Павлова-Сильванского и связывающая его с социологическим направлением, была совершенно чужда юридической школе».¹⁶⁹ Но сам Павлов-Сильванский критиковал Миллюкова как раз за признание «всеобщей социологической тенденции, не зависящей от хозяйственных отношений и среды», «всеобщих законов развития, не зависящих от действия среды». В полемике с Миллюковым он сводил объяснение исторического развития в конечном счете к «условиям места».¹⁷⁰ Следовательно, если их взгляды и могут быть противопоставлены, то с иных позиций, чем у Н.Л.Рубинштейна: Миллюкова следует считать сторонником «идеи внутренней закономерности», а Павлова-Сильванского — «внешней закономерности, состоящей в подчинении общественного развития внешнему фактору физических условий».¹⁷¹

Целый ряд критиковавших Миллюкова авторов находил в его взглядах на историческую закономерность такие особенности, которые были свойственны скорее неокантианской, чем позитивистской историографии. Так, высказывались мнения о фактическом или даже теоретическом «отказе» Миллюкова от идеи закономерности, об ограниченности этого понятия «в своем содержании и действии» и о его чрезмерной абстрактности в интерпретации Миллюкова, об агностицизме Миллюкова в вопросе о закономерности.¹⁷² Наконец уже не в порядке критики, а в порядке наблюдения отмечалось, что для Миллюкова «идея закономерности есть не столько реальное отношение, сколько идеальный тип, вспомогательный инструмент познания».¹⁷³ Против всех этих замечаний приходится возражать. О принципиальном отказе Миллюкова от идеи исторической закономерности не может быть и речи, — этому противоречат его многочисленные высказывания. Неверность тезиса о его «фактическом» отказе от этой идеи наглядно иллюстрируется неудачей попытки И.Д.Ковальченко и А.Е.Шикло доказать данный тезис.¹⁷⁴ Против остальных замечаний можно привести следующие возражения. Трактовка закономерности как «идеального типа» означает отрицание объективной закономерности. Между тем Миллюков выступал приверженцем именно идеи объективной закономерности, присущей самой действительности. В связи с этим отпадает и упрек в «чрезмерной абстрактности», так как при всей своей приверженности к дедукции Миллюков полагал, что нужно не конструировать искусственные законы для облегчения группировки фактов, а выявлять закономерности, присущие самим фактам. «Всякий закон, — писал Миллюков, — как бы абстрактен он ни был, всегда есть закон некоторого конкретного явления».¹⁷⁵

Что касается упреков в агностицизме и «ограниченности содержания и действия» понятия закономерности по Миллюкову, эти упреки были вызваны тем, что критики не делали необходимого разграничения между

терминами «историческая закономерность», «исторический закон» и «социологический закон». Аналогичная причина лежала в основе упоминавшегося выше мнения И.Д.Ковальченко и А.Е.Шикло, будто Миллюков подменял «закономерность» «причинностью».

Для разъяснения истинной позиции Миллюкова необходимо сопоставить варианты одного из фрагментов введения в разных изданиях «Очерков». В первоначальном варианте читаем: «Если бы даже нам никогда не суждено было открыть ни одного исторического закона, мы, по необходимости, должны были бы все-таки предполагать их существование [подчеркнуто нами - А.М.]».

Эту оговорку необходимо сделать, так как признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории. Сложность исторических явлений такова, что, нисколько не подрывая идеи закономерности, вполне естественно усомниться даже в самом существовании специальных «исторических законов».¹⁷⁶

Во втором издании подчеркнутое окончание фразы звучало несколько иначе: «...предполагать закономерность социального процесса».¹⁷⁷ В третьем это окончание еще раз изменилось: «...утверждать, что общественные явления, как и всякие другие, — не беспричинны». Кроме того, в последнем предложении процитированного отрывка Миллюков вынес из кавычек слово «законов», оставив в них лишь прилагательное «исторических».¹⁷⁸ Наконец в пятом издании он определил свою позицию еще более четко. Теперь уже он полагал естественным усомниться «в самом существовании специальных “исторических” (т.е. отдельных от “социологических”) законов».¹⁷⁹

Сначала разберемся с «подменой» закономерности причинностью. Как видим, фраза, дающая повод подобным образом толковать мысль Миллюкова, появилась лишь в третьем издании. В первом вместо нее была фраза о том, что необходимо предполагать «их», т.е. исторических законов, существование. Видимо, Миллюков заметил, что противоречит сам себе, говоря о «необходимости предполагать существование исторических законов, и рядом — о «возможности усомниться» в нем. Поэтому во втором издании он «предполагал» уже существование не исторических законов, а «закономерности социального процесса». Почему он отказался и от этой формулировки, не совсем ясно. Быть может, изменение в третьем издании было внесено из стилистических соображений. Миллюков постоянно подчеркивал стремление как можно больше упростить текст «Очерков» и тем самым сделать его доступным для более широкого круга читателей.¹⁸⁰ В этом свете вполне логичной выглядит расшифровка для публики: «закономерность социального процесса» означает, что «общественные явления, как и всякие другие, — не беспричинны». Но тем самыми устранялось «предположение» существования любых законов (и исторических, и социологических), и оставалась, как заметили И.Д.Ковальченко и А.Е.Шикло, одна только «причинность». Очевидно, чтобы взгляды его не были истолкованы в этом смысле, Миллюков здесь же, в третьем издании, усомнился в существовании «исторических» законов, а не «исторических законов». Вы-

несение слова «законы» из кавычек должно было означать, что сомнение касается именно «исторических», а не законов социальных явлений вообще. Но позднее автор, видимо, сообразил, что читателю проследить ход его мысли в данном случае мудрено, и сделал разъяснение в скобках, что существование «социологических» законов сомнению не подлежит. Таким образом, Миллюков «подменял» причинностью не «историческую закономерность», а всего лишь «исторические законы». Здесь следует возвратиться к выдвигавшимся Миллюковым трем факторам исторического процесса: внутренней социологической тенденции, «среде» и «личности». «Социологические законы», по Миллюкову, действовали лишь в рамках первого фактора. Второй фактор, если говорить о природной среде, регулировался физическими, химическими, биологическими законами; третий — психологическими. «Исторические» же законы должны были стать продуктом взаимодействия всех перечисленных законов, поскольку все три фактора одновременно действуют в истории. Но если сами по себе «социологические законы» сложно обнаружить, то «исторические» — на порядок сложнее. Потому-то Миллюков сомневался «даже в самом существовании» их. Он писал: «Признавши необходимым разлагать исторические явления на простые элементы, мы этим самым признали, что сами по себе эти явления сложны. Необходимо признать и то, что сочетания элементов при бесконечной сложности явлений будут бесконечно разнообразны и что закономерности надо искать прежде всего в действии отдельных элементов, а потом уже в их сочетаниях».¹⁸¹

Но независимо от существования «специальных исторических законов» Миллюков признавал «историческую закономерность» как не подлежащую сомнению включенность социальных явлений в жесткие закономерные связи объективной действительности. «Исторические законы» были для него лишь возможным (но не доказанным) частным проявлением этой всеобщей закономерности. «Мы принимаем закономерность исторических явлений, — писал он, — совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы».¹⁸²

Таким образом, историческая закономерность не подменялась у Миллюкова причинностью. Будучи по своей природе всеобщей, она не могла быть также «ограниченной в своем содержании и действии». Последнее можно сказать разве что о «социологических законах» в понимании Миллюкова: степень их воздействия на историю действительно ограничивалась законами, находящимися в ведении сопредельных областей знания. Наконец, об агностицизме Миллюкова можно вести речь не по отношению к исторической закономерности, а в двух других аспектах. В более узком аспекте он был «агностиком» в вопросе о существовании «специальных исторических законов», так как не брался с уверенностью утверждать их существование. В более широком аспекте он был «агностиком» по отношению к спору «материалистов» и «идеалистов» о том, что «первично».¹⁸³

Эти наши выводы, основанные на рассмотрении взглядов Миллюкова на историческую закономерность и отвергающие наличие «неокантианских» черт в этих взглядах, вполне совпадают с ранее сделанным на основе

других данных выводом об отсутствии серьезного влияния на него со стороны неокантианства. Поэтому неудивительно, что критиковавший Миллюкова с неокантианских позиций Н.М.Соколов резко осудил его взгляды на историческую закономерность как «метафизические», навязывающие действительности спекулятивную схему.¹⁸⁴ Как видим, Миллюков подвергался критике не только за «отказ» от исторической закономерности, но и за ее чересчур поспешное признание. Если П.Б.Струве накладывал «гносеологическое вето» на попытку Миллюкова объяснить с помощью идеи закономерности роль личности в истории,¹⁸⁵ то Соколов, в соответствии с канонами баденской школы неокантианства, — на саму идею закономерности. Если Миллюков отделял современных ему историков от историков времен Карамзина признанием этой идеи, то для следующего, неокантианского поколения, критерием научности становилось, напротив, отрицание идеи исторической закономерности. И подобно тому, как Миллюков отказывался считать научной «Историю» Карамзина, Соколов отказывался считать таковой «социологию» Миллюкова.¹⁸⁶

Поскольку наряду с признанием социальной и — шире — исторической закономерности Миллюков признавал также влияние «личности» на исторический процесс, ему следовало согласовать одно с другим. Формально он не испытывал при этом согласовании трудностей, заявляя о своей четкой позиции. Но трудности были.

Вопрос о роли «личности» и значении «стихийных сил» (т.е. той же самой объективной закономерности) в истории имел в России 90-х гг. XIX в. не только теоретическую, но и политическую актуальность. Он был пробным камнем при классификации русских социалистов на народников и марксистов. При таких условиях Миллюков не мог уйти от рассмотрения этого вопроса, так как ставил в «Очерках» не только научные, но и политические задачи. Одна из последних заключалась в том, чтобы способствовать консолидации народников и марксистов для борьбы под руководством либералов против самодержавия.

Но предложенное Миллюковым решение вопроса о роли личности в истории не было компромиссным. Он фактически принял позицию марксистов, и сам признавал это.¹⁸⁷ Свой взгляд он излагал так: «Целесообразная деятельность личности, с точки зрения науки есть только одно из видоизменений причинной связи явлений: это тот же закономерный процесс, перенесенный из области внешнего мира в область психической жизни. Целесообразный же ход истории несколько не вытекает сам по себе из целесообразной деятельности личности, хотя и может сделаться целью ее сознательных стремлений. Каких бы сложных и высоких форм ни достигало развитие сознательной деятельности личности, эта деятельность несколько не мешает научному представлению о закономерном ходе истории, а является только лишним фактором, подлежащим научному изучению и объяснению с точки зрения закономерности. Таким образом, свободное творчество личности никоим образом нельзя противопоставлять законам исторического процесса, так как и самое это творчество входит в рамки тех же самых законов».¹⁸⁸

Это изложение одновременно было полемикой против «субъективных социологов», в первую очередь, как отметила М.Г.Вандалковская, против Н.И.Кареева.¹⁸⁹ Еще ранее Миллюков критиковал Кареева за то, что в теории последнего «личность исключена из рамок культуры» и противопоставлена ей как начало деятельное, творческое.¹⁹⁰ Впрочем, Кареев полагал, что спорить им не о чем: субъективисты призывают лишь учитывать, что «в своей деятельности люди руководятся целями, коих нельзя упускать из виду ни при объяснении общественных явлений, ни при их оценке», а вовсе не проповедают «свободу воли».¹⁹¹ Пожалуй, в том возращении Кареев был прав. На принципиальном уровне взгляды его и Миллюкова можно было свести к общему знаменателю. Но оставалась существенная разница в акцентах. При всех оговорках о формальном равенстве факторов исторического процесса Миллюков выдвигал на первое место социологическую закономерность, полагая, что «личность» присутствует в истории лишь для разнообразия, вносит в нее «случайность».¹⁹² По Карееву же, личность ответственна не за «случайность», а за «прогресс», достигаемый путем борьбы со «средой».

С иных позиций критиковал взгляд Миллюкова на роль личности в истории увлекшийся в тот момент неокантианством П.Б.Струве. Придерживаясь разделения наук на «номотетические» и «идиографические», Струве в принципе отказывался давать «закономерное» объяснение «личности», а объяснение, предложенное Миллюковым, считал неудовлетворительным.¹⁹³ Мнение Струве легко объяснимо. Он, очевидно, подразумевал, что объяснение должно быть конкретным, вскрывать механизм воздействия психологической «закономерности» на поведение реальных людей. Для Миллюкова же это был вопрос мировоззренческий. Он лишь выражал свою непоколебимую уверенность в том, что и в психологии существует своя «закономерность», но отнюдь не утверждал, что открыл ее.

Таким образом, видимая легкость, с которой Миллюков решал проблему соотношения закономерности и личности в истории, проистекала из того, что он ограничился самым общим, философским уровнем анализа, не пытаясь приблизиться к конкретному решению. «Прикладного» значения его рассуждения о роли личности в истории иметь не могли. Миллюков понимал это, и указывал на необходимость строгого разграничения «теоретического» и «практического» подходов к данному вопросу. На практике, в общественной деятельности, он был далек от фатализма и признавал для личности возможность и необходимость борьбы за «идеалы».¹⁹⁴

В трудах Миллюкова можно найти и теоретическое обоснование необходимости этой борьбы. В литографированном варианте «Очерков» он писал о воздействии индивидуальных усилий на ход истории: «По мере расширения сферы своего действия, эти явления даже могут потерять свой единичный характер и приобрести значение общей причины».¹⁹⁵ То есть в перспективе Миллюков не исключал, что соотношение двух факторов — «внутренней социологической тенденции» и «личности» — изменится в пользу последнего. Об этом же, хотя и в более завуалированной форме, шла речь и в печатных изданиях «Очерков». Надежду на такое развитие

событий Миллюков связывал с ростом сознательности действий людей. Он видел два пути такого роста. Во-первых, «постепенная замена общественно целесообразных поступков отдельных личностей — общественно целесообразным поведением массы»,¹⁹⁶ т.е. рост сознательности действий самих масс. Во-вторых, — совершенствование механизма, «посредством которого индивидуальная мысль становится общественной».¹⁹⁷ В последнем случае речь идет о повышении собственно роли личности путем облегчения ее руководящего (манипулятивного) воздействия на массы.

По мнению ряда авторов, и первый путь в устах Миллюкова означал отрицание «решающей роли народных масс в истории», подчеркивание «решающей роли» личности.¹⁹⁸ Тезис Миллюкова прямо противопоставляется «четко сформулированным положениям о решающей роли народных масс в истории, обоснованным с позиций исторического материализма». Однако попытка В.М.Баскаковой доказать справедливость такого противопоставления оказалась неудачной. Она приводит фразу В.И.Ленина, вполне совпадающую с тезисом Миллюкова: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем». А рядом исследовательница дает цитату, вырванную из контекста «Очерков», создающую неверное представление о взглядах Миллюкова.¹⁹⁹ Так что мысль о постепенном росте сознательности действий масс в истории скорее объединяла, чем разделяла Миллюкова и Ленина.

В устах Миллюкова мысль эта выглядела радикально: он вел речь не просто о количественном росте сознательности масс, но о возможности качественного изменения — о «замене стихийного исторического процесса сознательным».²⁰⁰ Более чем вероятно, что идея о приобретении историческим процессом направленного характера за счет увеличения числа сознательных деятелей истории была заимствована Миллюковым у американских социологов Л.Уорда и Ф.Гиддинга, труды которых он высоко ценил. Однако они, в свою очередь, как признается в литературе, заимствовали эту мысль у русской «субъективной социологии»,²⁰¹ непримиримую полемику с которой Миллюков вел как раз по данному вопросу. Правда, он пытался доказать принципиальное отличие взглядов Уорда и «субъективных социологов», но доказательство это нельзя признать убедительным.²⁰²

Таким образом, «сознательность» исторического процесса была, по Миллюкову, залогом его «целесообразности», управляемости. Более того, она была критерием общественного прогресса. «Прикладная социология, — писал Миллюков, — измеряет прогресс степенью сознательности, с какою организуется в обществе достижение общего блага».²⁰³ Такая вера в «сознательность» как панацею — еще одно доказательство сугубо рационалистического характера мировоззрения Миллюкова. И в этой вере таилась немалая опасность для него как будущего политика. Сама по себе «сознательность» в исторических деяниях отдельных личностей и масс, разумеется, может только приветствоваться. Но достижение этой «сознательности» едва ли такое простое дело, как это представлялось преисполненному просветительского оптимизма Миллюкову. А убежденность в аб-

солютно «сознательном», рациональном характере собственных догматических построений, как правило, дорого обходится в политике.

Как видим, исходные теоретические посылки Милюкова и его конечные «прикладные» выводы сильно отличались друг от друга. В теории он едва ли не фаталист, на практике — почти откровенный «волютарист», надеющийся, что придет время, когда сознательная личность будет творить историю как минимум на равных с природной и социальной стихией. В индивидуальных воззрениях Милюкова содержалось то же противоречие, которое Н.А.Бердяев обнаружил в эволюции течения, в союзе с которым Милюков боролся против «субъективной социологии». Речь идет о русском марксизме, который, по мнению Бердяева, подвергся «народническому перерождению», перенеся акцент с экономического материализма на классовую борьбу.²⁰⁴

Как можно предположить, противоречие это в обоих случаях было вызвано условиями российской политической жизни рубежа XIX-XX в. Трезвый взгляд на нее позволял определить, что «объективный фактор» не скоро приведет к желаемой цели (для Милюкова — «конституции», для марксистов — «социализму»). Поэтому надежды на этот фактор, на «историческую закономерность» было мало. Тем более что оппоненты либералов и социалистов давали исторической закономерности (если вообще признавали ее наличие) свою интерпретацию. Для них она олицетворялась в виде прочной традиции, отказ от которой неприемлем.²⁰⁵

Милюков придерживался иного мнения о роли традиции в общественном развитии. Традицию он не отождествлял, а противопоставлял закономерности, как сознательный элемент — стихийному. Воспитанный на эволюционной теории Г.Спенсера, Милюков начисто отвергал существование стихийной исторической традиции: «Надо условиться, о какой традиции мы говорим. Если речь идет о связи различных периодов естественной эволюции общества, надо признать, что эта эволюция совершается по свойственным ей законам. Основной ее закон есть постоянное изменение, и стало быть, по самому существу дела здесь никакая традиция невозможна».²⁰⁶ Такой аргумент и в теоретической форме звучит неубедительно, так как, кроме «постоянного изменения», существует же и нечто устойчивое. Тем более странный вид принимал этот аргумент, когда Милюков пытался его конкретизировать. Например, он писал, имея в виду Россию XVI-го и XIX-го вв.: «...Что может быть общего между тринадцатимиллионным государством с плотностью трех человек на кв. километр и с городским населением в 3% всего населения, и между тем же государством два века спустя, с населением в 10 раз более, с плотностью в 6 раз большею и с городским населением, увеличившимся в 40 раз абсолютно и в 4 раза пропорционально?» и т.д.²⁰⁷ Н.М.Соколов справедливо возразил, что общее именно то, что государство в обоих случаях одно и то же.²⁰⁸

Взамен стихийной исторической традиции Милюков выдвигал сознательную «культурную». При этом любопытно сравнить разные варианты «Очерков». В первоначальном варианте он писал: «Помимо естествен-

ного хода общественной эволюции во всяком развитом обществе существует сознательная человеческая деятельность, стремящаяся подчинить эту эволюцию человеческой воле и согласовать ее с известными человеческими идеалами. Для достижения этих целей надо прежде всего выработать и распространить эти идеалы и затем воспитать волю. Если подобная работа совершается в одном и том же направлении в течение целого ряда поколений, в таком случае в результате получится действительная культурная традиция — единство общественного воспитания в известном определенном направлении».²⁰⁹ Позднее начало этого отрывка было изменено: «Помимо естественного хода общественной эволюции, — или, точнее говоря, как один из результатов этой самой эволюции, — во всяком развитом обществе существует сознательная человеческая деятельность, стремящаяся целесообразно воспользоваться естественной эволюцией и согласовать ее с известными человеческими идеалами».²¹⁰ Как видим, теперь уже существование «культурной традиции» провозглашалось не «помимо естественной эволюции», а «как результат» последней, и речь шла не о «подчинении» стихийных процессов человеческой воле, а об «использовании» их. Но и в этом, последнем варианте либеральный рационалистический оптимизм насчет возможности «управления» историей все еще налицо.

Но оптимизм этот относился лишь к будущему. Для своего времени Милюков указывал на отсутствие в России «культурной традиции» и даже наличные успехи в борьбе против «исторической традиции» (существование и прочность которой он все же, противореча себе самому, признавал) приписывал не сознательному «воспитанию», а стихийной «жизни».²¹¹

В целом, в «Итогах» первой части «Очерков» Милюков рисовал радужную картину, в которой формирование «новой культурной традиции» было делом рук либеральной интеллигенции. О том, что могущественный «субъективный фактор» может быть использован другими силами, он предпочитал не говорить. В этом смысле характерно его отношение к исторической роли Петра I. Отрицая его положительную роль в русской истории, Милюков тем самым отрицал возможность сознательного формирования «культурной традиции» самодержавием.²¹² Но историей был преподнесен Милюкову сюрприз с другой стороны. «Субъективный фактор» эффективно использовали его бывшие «друзья слева», после чего ему в эмиграции оставалось объяснять фиаско русских либералов, как раз неумением обращаться с этим фактором, неумением сформировать «культурную традицию»: «В одном мы не преуспели: мы оказались неспособны выражать что-либо похожее на устойчивый западный тип».²¹³ Оправдание для либеральной интеллигенции Милюков находил в том, что ей было отпущено слишком мало времени на «воспитание» русского народа — всего каких-нибудь 8 поколений, начиная с петровских реформ.²¹⁴

В связи со взглядами Милюкова на роль личности в истории и сущность исторической традиции особого внимания заслуживает его отношение к национализму, тем более, что третья часть «Очерков» была озаглавлена «Национализм и общественное мнение». К понятию «народ-

ность» автор «Очерков» относился весьма скептически. По замечанию А.Е.Преснякова, Милюков «обходится без этого понятия и едва ли даже признает его законность. По крайней мере, он его игнорирует».²¹⁵ Признание «народности», «национальности» в качестве устойчивого целостного образования означало, в глазах Милюкова, возможность объяснения истории народа, исходя из особенностей его «национального характера». К таким особенностям русских легко можно было причислить самодержавное политическое устройство. Последнего Милюков допустить никак не мог и потому отрицал существование устойчивых национальных особенностей не только у русских, но и у славян вообще, хотя это и противоречило его определению национальности: «Национальность есть социальная группа, располагающая таким единственным и необходимым средством для непрерывного психического взаимодействия, как язык, и выработавшая себе постоянный запас однообразных психических навыков, регулирующих правильность и повторяемость явлений этого взаимодействия».²¹⁶ Как видим, в определении наличие устойчивых национальных особенностей — «постоянного запаса однообразных психических навыков» — признается. Да и у других наций Милюков таких особенностей не отрицал. Например, он считал вполне возможным говорить о «резких национальных особенностях» французов, англичан, немцев и «вообще представителей какой-либо культурной нации Европы», об «особом национальном типе» лопарей или киргизов.²¹⁷

Даже общетеоретические взгляды Милюкова по данному вопросу, прямо не относившиеся к русской истории, претерпели характерную эволюцию. В литографированном варианте «Очерков», характеризуя факторы исторического процесса (социологическая закономерность, внешние условия, личность), автор раскладывал второй фактор не на две составляющие (природная среда и внешнеполитическая обстановка), как в позднейших печатных изданиях, а на три. Этой третьей составляющей, которая в порядке изложения следовала даже раньше двух других, были как раз «национальные особенности». Правда, и тут признание их исторической роли сопровождалось оговоркой: «...Я лично принадлежу к числу людей, не склонных придавать этого рода влиянию значительной роли. Дело в том, ... что сами эти национальные отличия, национальный тип и характер не есть нечто искони данное, а благоприобретенное в течение того же исторического процесса; не первичное, не основное, а лишь вторичное историческое явление. Сложившись раз, это явление может оказывать, конечно, свою долю влияния на исторический процесс, — влияние, главным образом, задерживающее, как все унаследованное от прошлого. Но в своей исходной точке это явление, как я сказал, само есть итог истории, результат других более основных условий исторической жизни».²¹⁸ В печатных же изданиях эта оговорка вышла на первый план, и притом «национальные особенности» вообще не упоминались при перечислении основных факторов исторического процесса во введении к первой части «Очерков»; речь об их влиянии на историю шла лишь в предисловии ко второй части.²¹⁹

Настойчиво подчеркиваемая Милюковым мысль, что не «национальность» создает историю, а, наоборот, история создает «национальность», высказывалась в свое время одним из его университетских наставников В.И.Герье, который стремился «демистифицировать» понятие «народного духа», утверждая, что «национальная самобытность не столько творец истории, сколько ее продукт».²²⁰ Но в интерпретации Милюкова этот тезис выглядел более радикально.

Основываясь на таких теоретических предпосылках, Милюков считал одной из характерных черт национализма как раз объяснение национальной истории, исходящее из особенностей «национального характера», признающее «незыблемые устои», отрицающее «эволюционный элемент» в этой истории. Другой характерной чертой национализма Милюков считал необъективное отношение к собственной нации, отсутствие «научного безразличия».²²¹ В своих историографических трудах он упрекал славянофилов за отсутствие «объективного критерия сравнительных достоинств разных племенных групп», считал заслугой «юридической школы» то, что она «навсегда покончила с периодом патриотизма» в русской исторической науке. Соответственно сам он, полагаясь на «объективный критерий» (каковым, напомним, Милюков считал «степень сознательности, с какою организуется в обществе достижение общего блага»), считал для себя не вправе быть «патриотом» в науке.

Есть, однако, основание полагать, что Милюков прекрасно сознавал, что патриотизм и объективность лежат в разных плоскостях мировоззрения, а потому отсутствие патриотизма нельзя оправдывать ссылкой на объективность. Характеризуя общественные взгляды Н.И.Новикова, Милюков писал, что тот не выполнил «социальный заказ» Екатерины II: «...Отказался от безнадежной и слишком противоречившей его собственным целям и взглядам задачи — найти в истории подтверждение националистическим взглядам...». И М.М.Щербатову, по словам Милюкова, «помешала создать цельную националистическую теорию та же причина, как самой Екатерине: он слишком проникнут был непригодными для этой теории и противоречившими ей рационалистическими взглядами».²²² Следовательно, дело не в объективной «безнадежности» обосновать «национализм» с помощью исторической науки, а в соответствии или несоответствии такой задачи «целям и взглядам» историка. Ясно, что ни целям, ни взглядам Милюкова такая задача не соответствовала. Он выполнял задачу противоположную: доказать бесперспективность русского национализма. Милюков прямо заявлял студентам: «...Я прошу вас не удивляться, если вы не встретите национальной точки зрения на национальную историю в моем последующем изложении».²²³

На критику в адрес Милюкова возможно возражение, что против национализма он выступал совершенно справедливо, так как национализм и патриотизм — разные вещи. Но во-первых, как мы видели, для ученого он считал недопустимым и патриотизм. И отрекался он не от националистической, а от национальной точки зрения. А во-вторых, Милюков чересчур расширительно толковал термин «национализм». А.Е.Пресняков

высказал ему следующую претензию: «П.Н.Миллюков ... говорит о “денационализации” как о явлении, возможном не только там, где нет сильных элементов национальной организации, а имеется лишь бесформенная этнографическая масса, но и “там, где национальная замкнутость уже уступила место сознательному космополитизму”, где достигнут тот уровень культурности, “на котором оказалось возможным распространение эллинистического космополитизма”. Если это не брошенное мимоходом замечание, которому сам автор не придает значения, то подобное воззрение нельзя не назвать антиисторическим. Где в истории примеры подобных явлений? ...Я предпочел бы истолковать антитезу “национализма” и “общественного мнения” — не понятиями “национального самосознания” и денационализованного общественного сознания, а иными: националистическим сознанием, в котором традиционные элементы подавляют критику, и национальным самосознанием, которое сильно критикой и обогащает свою “народность” элементами общечеловеческих общественных и культурных идеалов, развивая шире и глубже, но конечно, не обезличивая ее».²²⁴

Во втором издании третьей части «Очерков» Миллюков отказался принять поправку Преснякова, притом не совсем точно изложив ее суть: «Я продолжаю, вопреки совету одного критика, противопоставлять “националистическое” воззрение “критическому”, а не национальному»: “национальны” они оба».²²⁵ Но Пресняков возражал не против антитезы «националистическое — критическое», а против антитезы «национальное самосознание — денационализованное общественное мнение». А по сути и первая антитеза была некорректна, так как, несмотря на глухое упоминание в подстрочнике о том, что «критическое» воззрение тоже «национально», заголовок третьей части «Очерков» («Национализм и общественное мнение») и критикуемый Пресняковым фрагмент текста давали повод для предположения, что Миллюков считает «общественное мнение» безнациональным. Кроме того, заголовок отказывал национализму в праве быть частью общественного мнения. В конце концов, Миллюков сам признал в 1930 г., что при выборе заголовка он руководствовался не требованиями логики, а требованиями политики.²²⁶

Для трактовки Миллюковым терминов «национальный» и «националистический» характерна еще одна цитата: «Термин “национальный”, “национальность” употреблялся и употребляется мной в безразличном смысле: “относящийся к нации”, “свойственный нации”. Термин “националистический, национализм” я употребляю в смысле *terminus praegnans*: “относящийся сочувственно к национальным чертам. Сочувственное отношение к национальным чертам. Сочувственное отношение к национальным особенностям”. Думаю, что этого разъяснения достаточно, чтобы устранить те возражения против моей терминологии, которые предъявлялись мне некоторыми критиками. Источник возражений, если не ошибаюсь, заключался в желании сохранить термин “национальный” для обозначения тех из числа национальных особенностей, относительно которых сочувствие законно. Такому употреблению терми-

на я отказываюсь следовать, ибо вопрос о пределах законного сочувствия не может быть решен терминологией, а только рискует быть запутан: самое же решение вопроса субъективно и условно».²²⁷ Предложив отрицательный и нейтральный термины, Миллюков отказывается предлагать положительный (таковым мог бы быть, например, термин «патриотизм»).

Чрезмерно широкая трактовка Миллюковым термина «национализм» привела к тому, что под эту рубрику им были подведены едва ли не все основные явления допетровской истории России, в противоположность которым ему приходилось выискивать слабые ростки «общественного мнения», подобно тому, как впоследствии марксисты выискивали в русской истории «классовую борьбу». Н.П.Павлов-Сильванский в связи с этим критиковал «москвофобию» Миллюкова.²²⁸

Памятью о триаде С.С.Уварова (самодержавие — православие — народность), Миллюков считал национализм верным союзником своего главного врага — самодержавия. Но, при всей прочности этого союза, национализм выполнял все же более широкие функции, служил опорой не только самодержавной формы правления, но и государства как такового. Д.И.Иловый справедливо заметил по поводу третьей части «Очерков»: «...Тут тщетно вы будете искать ответа на вопрос, какое значение имеет национализм в истории народов и государств вообще и Русского в частности».²²⁹ Попутно заметим что структура «Очерков» находилась в прямой зависимости от структуры уваровской триады: первая часть («Население, экономический, государственный и сословный строй») — критика «самодержавия», социально-политического устройства России; вторая («Церковь и школа: вера, творчество, образование») — критика «православия»; третья — критика «народности».

Среди теоретико-методологических вопросов, по поводу которых высказывался Миллюков, самостоятельный интерес представляет вопрос об отношениях науки с политикой. Он заявлял, что ученый и политик в своем изучении истории руководствуются принципиально различными побуждениями: «Там, где ученый спрашивает о причине явления, — практический деятель спрашивает о цели, вызвавшей это явление к жизни. Первый, ставя свой вопрос, “почему”, — стремится к уяснению закономерности исторического процесса. Второй, с своим вопросом, “зачем”, — старается постигнуть его целесообразность. Первый ищет в истории только причинной связи явлений; второй добывается их “смысла”... Там, где первый ограничится спокойным наблюдением фактов и удовлетворится открытием их внутреннего отношения, там второй постарается вмешаться в ход событий и установить между ними то отношение, какое ему желательно. Одним словом, первый поставит своею целью изучение, второй — творчество; один откроет законы исторической науки, а другой установит правила политического искусства».²³⁰

Подобное представление о разграничении научного и политического подходов Миллюков пытался возвести в норму: в случае если историк одновременно причастен к политике, «весьма естественно, что обязанности общественного деятеля оказывают воздействие на направление уче-

ной работы, и точка зрения целесообразности переносится в не принадлежащую ей область причинного объяснения. Это вполне естественно психологически, но тем не менее неправильно. Тем более неправильно возводить этот психологический факт в теорию и доказывать, что применение точки зрения целесообразности к научному объяснению — есть дело вполне законное».²³¹

И среди прежних оппонентов Милуков, и среди современных исследователей его стремление исключить из исторической науки «точку зрения целесообразности» вызвало справедливое недоумение.²³² Позицию его следует объяснять смешением двух видов «целесообразности» — частной и всеобщей. Невозможно оспаривать его тезис о том, что история в целом не имеет заранее предустановленной «цели», «смысла», «плана». Однако же историк не может игнорировать конкретных, частных целей, которыми руководствовались в истории люди.

Свое нежелание стать на «точку зрения целесообразности» Милуков аргументировал нежеланием «смотреть на волю, как на самостоятельный, как бы извне данный, фактор исторического развития». Он указывал, что человеческие поступки не произвольны: «Волевой механизм приводится в движение причинами более первичного характера». А кроме того, «еще целая пропасть разделяет каждый отдельный целесообразный поступок, с его личными побуждениями, в его ближайшей обстановке, — от его социальных последствий, от целесообразного общественного результата».²³³ Однако ни детерминированность, ни возможная безрезультатность человеческих действий не устраняют самого факта сознательного целеполагания. Поэтому согласиться с Милуковым нельзя. Его стремление устранить из исторической науки «точку зрения целесообразности» следует расценивать как лишнее доказательство игнорирования им специфики общественных явлений. Причательно, что и в данном случае Милуков давал понять, что в принципе «целесообразный ход исторического процесса» возможен «на высших ступенях общественной жизни», там, где результаты этого процесса будут соответствовать «сознательно поставленным общественным задачам».²³⁴ Следовательно, частные «цели» в истории Милуков мог всерьез учитывать, лишь если их достижение было заранее гарантировано.

Пока же такая гарантия была невозможна, Милуков признавал применение «точки зрения целесообразности» прерогативой политиков и, кроме того, «философов истории». Последних можно было бы и не брать в расчет, потому что их Милуков, как и эпигонов славянофильства, хоронил заживо: «„философы истории“ старого типа лучше всего сделают, если признают, что в их специальной области изучения нет ничего такого, что бы не могло быть отнесено или к теоретической, или к прикладной социологии. „Философия истории“ сыграла свою роль предшественницы современной научной социологии — и теперь должна прекратить свое существование, если не хочет плодить старых недоразумений». Но дело в том, что данное, выдержанное в типично позитивистском ключе, требование отсутствовало в первоначальном варианте «Очерков».²³⁵ Хотя Милуков и заявил в одной из ранних статей, что существование «филосо-

софии истории» он считает излишним,²³⁶ но некоторое время, видимо, мирился с ней как с «пережитком старины» и прямого ультиматума («должна прекратить свое существование») не выдвигал. Более того, в первоначальном варианте «Очерков» Милуков, пытаясь лишить философию истории права занимать промежуточное, связующее положение между исторической наукой и политикой, считал нужным зарезервировать это место для другой дисциплины: «Выяснением всех условий общественной целесообразности занимается научная теория прогресса, стоящая на границе науки и искусства». Позднее в этом фрагменте «научная теория прогресса» была заменена на «политическое искусство, пользующееся всеми наблюдениями науки»,²³⁷ т.е. «буферная зона» между наукой и политикой окончательно устранилась при сохранении требования «невмешательства» их в дела друг друга.

По отношению к науке требование это, кроме отказа от «точки зрения целесообразности», включало в себя еще два пункта: соблюдение полной объективности и отказ от оценки исторических явлений. Что касается объективности, надежда достичь ее в историческом познании вытекала из позитивистской уверенности Милукова в том, что, возможно установить факты, «как они были в действительности». И не только отдельные факты, но и их взаимосвязь. Сравнивая историческую науку времен А.-Л.Шлецера с наукой конца XIX в., Милуков писал: «Их работа кончается восстановлением факта; наша, напротив, только начинается над фактом уже восстановленным. Естественно, что для нас теряет значение и спор старой школы о роли субъективизма, конечно, неизбежного в рассказе, но непонятного в логической операции, подготавливающей открытие закона».²³⁸ Однако же этой уверенности противоречат приводившиеся нами выше цитаты из трудов самого Милукова. И в «Главных течениях» он признавал связь исторической науки с «развитием общего мировоззрения», и в «Очерках» признавал мировоззренческое, а не основанное на опыте, происхождение своей основной теоретической идеи, идеи закономерности исторического процесса.

Правда, Милуков пытался дать собственному мировоззрению и «фактическое» обоснование. Рецензируя одну из книг А.Н.Пыпина, он писал: Пыпин «твердо верит, и с нашей точки зрения вполне основательно, что факты, изложенные как они были в действительности, сами собой сложатся в подтверждение тому мировоззрению, которое он считает истинным; он твердо надеется, что распространенные в обществе, эти факты дадут самый сильный отпор воззрениям противоположным, которые и с нашей точки зрения давно утратили создавшую их теоретическую основу и держатся еще в некоторых общественных слоях только благодаря недобросовестности или фанатизму проповедников и невежеству полуобразованных слушателей».²³⁹ Но такое обоснование не выдерживает критики. Оно в конечном счете тоже апеллирует к «твердой вере», а не к «фактам».

Тем яснее доказывается беспомощность позитивизма в вопросе о реальных основаниях исторического познания, неустранимость из процесса познания исходных мировоззренческих установок, основываясь на

которых, историк «упорядочивает» хаотическое нагромождение фактов. И при таком упорядочивании нельзя обойтись без оценки этих фактов как с точки зрения их «значимости», «пригодности для истории», так и с нравственных позиций. Таким образом, нарочитый отказ Милюкова от «суда» над историей²⁴⁰ вовсе не был бесспорной доблестью, тем более что на практике он самим Милюковым не соблюдался.

Наряду с четким разграничением задач историка и политика Милюков подчеркивал необходимость их взаимодействия, но так, чтобы при этом не страдала «чистота риз» первого. С одной стороны, «научный вывод не имеет ничего общего с рекомендацией той или другой готовой формы общественной жизни. Наука дает законы, а не правила». Но с другой, — «историк бесспорно может претендовать ... на право установить, в качестве эксперта, самые факты, подлежащие манипуляциям практического политика», «политическое искусство нуждается в законах социальной науки, без знания которых не могут быть установлены его правила», «политика может и должна воспользоваться социологией...».²⁴¹ Логически, конечно, можно предоставить одной стороне исследование «законов», а другой разработку «правил». Но если признать для историка невозможность абсолютной объективности, ясно, что фактически и он своей деятельностью оказывает влияние на политическую борьбу. По наблюдениям М.Г.Вандалковской, самого Милюкова оппоненты заподозрили в двойной игре. По их мнению, требуя от историка абсолютной объективности и признавая за политиком право на субъективизм, Милюков тем самым навязывал своим коллегам-историкам жесткий «научный» стандарт, а сам действовал по мягкому «политическому».²⁴² Одно из позднейших высказываний Милюкова дает понять, что эти подозрения были не беспочвенны. В 1929 г. он заявил по поводу взаимоотношений исторической науки с политикой: «...Я лично никогда не разделял эти две стороны моей деятельности... Связать прошлое с настоящим — такова была задача моей исторической деятельности; в ней тесно переплетались оба эти элемента. Выяснение этой связи есть основная идея моих “Очерков культуры”».²⁴³ Оказывается, требуя от других строжайшего разграничения науки и политики, для себя «лично» Милюков их «никогда не разделял».

После такого признания трудно ожидать от концепции «Очерков» абсолютной объективности. Многие авторы сходились на том, что «Очерки» содержали обоснование будущей программы кадетской партии.²⁴⁴ Если отдельные советские историки и полагали, что Милюков занимал «позицию защиты самодержавия», что его концепция «приводила к мысли о необходимости сохранения самодержавного государства», то в этом они видели не противоречие кадетской программе, а подлинную сущность последней.²⁴⁵ Но, с нашей точки зрения, политический смысл концепции Милюкова не вполне соответствовал кадетской программе. Концепцию эту так же, как и теоретико-методологические взгляды Милюкова, нельзя считать внутренне цельной.

Источник противоречия заложен был в самой структуре «Очерков». Каждая из трех частей состояла из введения, основного текста и заклю-

чения (поскольку третья часть не была завершена, заключение в ней отсутствовало). Естественно, автор не мог рассчитывать, что каждый читатель одолеет весь труд целиком. Поэтому политический подтекст «Очерков» был сконцентрирован главным образом во вводных и заключительных разделах. Это не осталось без внимания рецензентов.²⁴⁶ Притом введение каждой части сосредоточивалось на вопросах теоретических, а в заключении формулировались наиболее значимые концептуальные выводы.

Эти выводы, разумеется, не могли противоречить политическим взглядам Милюкова, были выдержаны в строгом соответствии с ними. Как уже отмечалось, в первой части главным объектом критики Милюкова было «самодержавие», во второй — «православие», в третьей — «народность», причем среднему элементу уваровской триады он уделял наименьшее внимание. Самодержавие и национализм, напротив, заслуживали в его глазах самой острой критики как более опасные противники. Критика самодержавия вообще была главным мотивом «Очерков», а критике «национализма» было уделено существенное внимание не только в третьей, но и в первой их части.

Вначале остановимся на критике Милюковым «православия». Еще П.Б.Струве, сравнивая первую и вторую части «Очерков», отметил, что вторая проигрывает в научном отношении, поскольку в ней «рассказ решительно преобладает над обобщениями».²⁴⁷ Можно добавить, что заключение второй части чересчур внешним образом связано с основным текстом, представляет собой не столько резюме его, сколько совершенно самостоятельные рассуждения о причинах «разрыва интеллигенции и народа». Милюков пытается доказать, что главная причина разрыва не в том, что интеллигенция оказалась под влиянием западноевропейской культуры, а «масса народная не могла поспеть за европейским развитием». По его мнению, причина — в несостоятельности русской церкви, которая, в отличие от западноевропейских, не смогла духовно сementировать общество.²⁴⁸

Историческую несостоятельность русской церкви как социального института так же, как и несостоятельность самодержавного государства, нельзя отрицать, — 1917 год продемонстрировал это со всей наглядностью. Но не следует и валить на церковь вину за чужие грехи, обвинять ее в разрыве интеллигенции с народом. Как представляется, пытаюсь объяснить безразличие русской интеллигенции по отношению к религии, Милюков главным образом основывался не на историческом исследовании, а на своем личном неудачном религиозном опыте.²⁴⁹ В принципе, допустимость такой «дедукции» нельзя отрицать, но к добытым с ее помощью результатам Милюкову следовало бы отнестись более осторожно.

Кроме истории церкви, во второй части «Очерков» речь шла также об истории литературы и искусства и истории русской школы. Относительно «творчества» автор делал вывод, что его расцвет в XIX в. был связан с тем, что оно «не могло опереться ни на какую историческую традицию; смело и решительно оно пошло навстречу новым требованиям русской интелли-

генции и, начавши свое развитие опять с начала, удивило посторонних наблюдателей варварской силой и свежестью своих впечатлений». Здесь видим полное соответствие с теоретическими и политическими взглядами Милокова. Точно так же был тесно связан с политикой итоговый вывод относительно «образования»: Милоков предрекал бесперспективность попыток «создать государственными средствами клерикальную школу».²⁵⁰

Критику «национализма» в третьей части «Очерков» Милоков не успел завершить. Согласно своей периодизации истории русского «общественного самосознания», он полагал разделить третью часть «Очерков» на три «отдела: 1) развитие националистических идеалов органической (национально-завоевательной) эпохи и начало их критики. 2) Последние победы национализма и первые успехи общественной критики. 3) Развитие общественного мнения критической эпохи».²⁵¹ Хронологически первый «отдел» соответствовал времени с конца XV (лишь с этого времени Милоков полагал необходимым начинать историю общественного самосознания) до конца XVII века; второй — XVIII веку; третий — XIX — началу XX века. Написана была лишь история первых двух периодов. Между тем именно в ненаписанной истории третьего, «критического» периода и заключался весь смысл третьей части «Очерков», а по большому счету, и всех «Очерков» целиком. Недаром именно эту тему выбрал Милоков для своих нижегородских лекций. Ущерб усугублялся тем, что, кроме истории третьего периода, ненаписанным осталось и заключение третьей части «Очерков». То и другое восполнялось в какой-то степени существованием третьей части литографированного лекционного курса, где изложение было доведено до царствования Александра II включительно и где имелось небольшое заключение на полстраницы.²⁵² Однако если учесть мизерный тираж этих лекций и то, что при подготовке к печати «Очерки» основательно дополнялись и перерабатывались, станет ясно — ни для читательской аудитории, ни для исследователей научного творчества Милокова такую замену нельзя признать полноценной.

Словно бы предчувствуя такой оборот событий, Милоков заранее, во введении к третьей части «Очерков», вкратце изложил ее итоговые выводы и намекнул на их политическое значение: «Для читателей, знакомых с первыми двумя томами «Очерков», не будет неожиданным тот двоякий вывод, к которому мы придем в результате предстоящего нам обзора развития русского общественного самосознания. Мы найдем, во-первых, что качественно, по существу, ход этого развития ничем не отличается от подобного же процесса в любой стране, где он вообще имел возможность развиваться. Во-вторых, мы увидим, что в той форме, в какой процесс этот развивался в России, он представляет количественные различия и особенности, вполне совпадающие с теми, которые нам пришлось отметить в предыдущих частях «Очерков» относительно других процессов. В зависимости от этих двух выводов должен стоять и возможный для исследователя социологический прогноз».²⁵³ Ясно, что за прогноз имелся в виду: преодоление «количественных различий» и установление конституционного строя.

В первой части «Очерков» Милоков пытался продемонстрировать, что ликвидация самодержавия уже вполне подготовлена ходом стихийного исторического процесса. В третьей он должен был показать готовность «сознательных» общественных сил вступить в свои права. Сложно сказать, какая из этих двух задач была для него важнее, ведь признавая в прошлом приоритет «стихий», в будущем он уповал на сознательность. Но, так или иначе, поскольку третья часть осталась незаконченной, главный интерес в политическом отношении представляет первая часть «Очерков», ее «Итоги». В них, как и во введении к третьей части, ставится вопрос о «количественном различии» и «качественном сходстве» между историческим развитием России и Западной Европы, но к его решению Милоков подходит тут более осторожно. Если в третьей части сразу и в категорической форме предлагая свой общий вывод, Милоков рассчитывал на читателя, подготовленного аргументацией двух предыдущих частей, то в «Итогах» первой части, где вывод предстояло сформулировать впервые, автор тщательно готовил почву. Он построил своего рода «диалектическую триаду», в которой вслед за «тезисом» «националистов» и «антитезисом» «западников» его собственный вывод представал как «синтез», снимающий противоречия двух сторон.

Как это ни парадоксально, долгое время Милоков считался в отечественной историографии, с подачи Н.П.Павлова-Сильванского, приверженцем теории «контраста» между историческим развитием России и Запада.²⁵⁴ Впрочем, такая участь постигла не только его, но и других ярко выраженных западников — историков так называемой «государственной школы». В последние годы этот упрек в адрес Милокова снят. И даже раздается противоположная критика, за то, что Милоков «думал о перенесении готовых западноевропейских форм и порядков в Россию, мало считаясь при этом с ее тысячелетней историей, национально-религиозными особенностями и — одновременно — взрывчатый потенциалом бунтов».²⁵⁵ Эта критика более обоснованна.

Согласно «Итогам» первой части «Очерков», одна из двух основных черт русской истории — ее «крайняя элементарность» по сравнению с западноевропейской.²⁵⁶ Перечень явлений, обозначенный Милоковым термином «элементарность», по сути иллюстрирует тезис об отсталости России. Но принятие такого тезиса было для Милокова невозможно. Во-первых, в этом случае его борьба за немедленное введение парламентаризма в стране выглядела бы преждевременной. Во-вторых, Милоков считал тезис об отсталости сугубо западническим, сам же он, как уже сказано, пытался представить себя в «Итогах» наследником лучших сторон обеих доктрин — и «западнической», и «националистической».

В качестве противовеса «крайней элементарности» Милоков называл второй основной чертой русской истории ее «совершенное своеобразие».²⁵⁷ Этот свой тезис он расценивал как прославнофильский, фактически же пользовался им для защиты «ультразападнических» позиций. Если критикуемые им западники признавали известную хронологическую задержку русского исторического процесса по сравнению с западно-

европейским, то Милоков заявлял: «Историческая жизнь России не остановилась. Она шла своим ходом, может быть, более медленным, но непрерывным. Россия, следовательно, пережила моменты развития, пережитые и Европой, но по-своему».²⁵⁸ В этой цитате в концентрированном виде отразилось то самое внутреннее противоречие концепции Милокова, о существовании которого мы говорили выше. Ведь, если «историческая жизнь России» шла «более медленным ходом», то неизбежно должно было возникнуть отставание от Запада, наличие которого оспаривает Милоков.

Кроме того, что, при всем желании Милокова, «своеобразие» не могло компенсировать задерживающее действие «элементарности», само по себе оно представляло для милоковской концепции очевидную опасность. Еще Н.П.Павлов-Сильванский указал на противоречие между представлением Милокова о российском «своеобразии» и его политическими взглядами, в основе которых лежал перенос на российскую почву западноевропейских реалий.²⁵⁹

Издержки тезисов об «элементарности» и «своеобразии» Милоков пытался устранить тщательной «дозировкой» этих двух черт. «Своеобразие» в истории России допускалось им лишь в той мере, в какой оно смягчало задерживающее действие «элементарности» и в то же время не уходило в сторону от Западной Европы. Сочтя, что ему удалось провести русскую историю между Сциллой элементарности и Харибдой своеобразия, Милоков заключал, что желаемые им внутривнутриполитические изменения давно назрели. Он видел препятствие развитию страны «в старом политическом строе, искусственно охраняемом в течение более чем столетия».²⁶⁰ Напрашивается вывод, что он считал самодержавие отжившим уже к концу XVIII в.

Однако, согласно основному тексту первой части «Очерков», вплоть до второй половины XVIII в. Россия развивалась крайне медленно, а понастоящему динамичное развитие обеспечили лишь реформы Александра II. Милокова даже обвиняли в том, что он преувеличивал степень отсталости России.²⁶¹ Создается впечатление, что Милоков «форсирует» русскую историю второй половины XVIII-XIX вв., чтобы к концу XIX в. созрели внутренние социально-экономические и политические предпосылки для конституционного строя.

Таким образом, политическое содержание первой части «Очерков» как бы распадается на два слоя. Внешний слой — либеральные декларации «Итогов». Внутренний — более консервативные выводы, вытекающие из основного текста, где автор был связан, во-первых, фактическим материалом, а во-вторых, — унаследованной концепцией «государственной школы». Причина раздвоения политического подтекста «Очерков» кроется, надо полагать, в том отмеченном А.Н.Цамутали факте, что принятая Милоковым без принципиальных изменений концепция государственников (К.Д.Кавелина, С.М.Соловьева, Б.Н.Чичерина) была разработана представителями более умеренного либерализма, противниками немедленного установления конституционного строя.²⁶² Со времени разработки ими этой

концепции до момента издания «Очерков по истории русской культуры» социально-экономические и политические условия в России не успели измениться столь существенно, чтобы дать основания для радикальных выводов Милокова. Он справедливо полагал, что условия эти менялись в конце XIX в. очень быстро, но свою политическую программу строил, переоценивая степень уже произошедших перемен.

Подводя итоги анализа теоретико-методологических и концептуальных построений Милокова, следует еще раз подчеркнуть их внутреннюю противоречивость. Несмотря на то, что с его студенческих лет до завершения научной деятельности эти построения не претерпели существенной эволюции, они были лишены цельности. В отставившейся Милоковым теории исторического процесса не отличалась последовательностью точка зрения ученого на соотношение «стихийных» и «сознательных» факторов истории — «закономерности» и «личности», «исторической» и «культурной» традиций. При этом он в недостаточной степени учитывал влияние на историю народа его национальных особенностей. Для взглядов Милокова на методологию изучения истории характерно было, с одной стороны, стремление к объективности. Будучи ярко выраженным приверженцем позитивизма, он даже преувеличивал степень объективности, которая реально может быть достигнута в историческом исследовании. С другой стороны, Милоков прекрасно осознавал, что историческое познание имеет «прикладной», политический аспект, и в его собственных трудах, особенно в «Очерках», этот аспект был четко выражен. Выход из этого противоречия Милоков предлагал в жестком разграничении подходов к истории ученого и политика, но позднее признал, что сам руководствовался как раз противоположным принципом «переплетения» науки и политики. Предложенная Милоковым концепция русской истории, естественно, несла на себе отпечаток отмеченных теоретико-методологических противоречий. Он пытался продемонстрировать зрелость объективных и субъективных предпосылок для осуществления собственной политической программы, но данное им самим изображение хода русской истории располагало к более осторожным оценкам на этот счет.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См.: Милоков П.Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. XIII-XIV; *он же*. Воспоминания. Т.1. С.157-158.

² Милоков П.Н. Государственное хозяйство в первой половине XVIII века и реформа Петра Великого // РМ. 1892. № 7. С.57 отд. паг.

³ Милоков П.Н. Ответ рецензенту «Вестника Европы» // РМ. 1892. № 9. С.205 отд. паг.

⁴ См., например: Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964. С.293.

⁵ См.: Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.158; Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1986. С.169; Дулова Н.Г. Указ. соч. С.96; Вандалковская М.Г. П.Н.Милоков // Историки России XVIII-XX вв. М., 1995. Вып.2. С.8.

⁶ Историография истории СССР. М., 1961. С.413.

⁷ Бельский К.С. Финансовое право. М., 1995. С.40-41; Милоков П.Н. Государственное хозяйство... С.534.

- ⁸ См.: Там же. С. XIII-XV.
- ⁹ Позднее Милоков признавал: «Петр для нас не только предмет исторических изысканий. Он есть необходимая составная часть нашего практического [т.е. политического - А.М.] отношения к русской жизни» (*Милоков П.Н.* Петр Великий и его реформа (к двухсотлетней годовщине) // На чужой стороне. 1925. № 10. С.5).
- ¹⁰ *Милоков П.Н.* Два русских историка. С.316.
- ¹¹ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.2.
- ¹² См.: Там же. С.17-22; *Милоков П.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.23) // Зап. имп. Академии наук. СПб., 1893. Т.70. С.134-143 отд. паг.; [*Сторожев В.Н.*] Историческая хроника // ИО. 1892. Т.5. С.205-213.
- ¹³ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С.244; [*Сторожев В.Н.*] Историческая хроника. С.213; *Дьяконов М.А.* Рец. на: Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892 // ЖМНП. 1893. № 7. С.217-224 отд. паг.; *он же.* Рец. на: Сергеевич В.И. Древности русского права. СПб., 1903. Т.3 // ЖМНП. 1904. № 7. С.195-196 отд. паг.; *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т.2. С.535-536.
- ¹⁴ См.: *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая вьть // ВИД. Л., 1987. Т.19. С.101. Ср.: *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. С.12-13; *Каишанов С.М.* Сошное письмо // СИЭ. Т.13. Стб.479.
- ¹⁵ См.: *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С.249-264. (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.27); *Платонов С.Ф.* Как возникли чети? (К вопросу о происхождении Московских приказов-четвертей) // ЖМНП. 1892. № 5. С.160-163; *Павлов А.П.* Эволюция четвертных приказов в конце XVI - начале XVII в. // АРИ. 1993. Вып.3. С.217-221.
- ¹⁶ См.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.87 об.; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.3 об., 5,6.
- ¹⁷ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.106.
- ¹⁸ См.: *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. М., 1915. Т.1. С.42; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С.84; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С.438.
- ¹⁹ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.111.
- ²⁰ См.: Там же. С.109; 2-я пагинация. С.23-33.
- ²¹ Там же. С.111.
- ²² Там же. С.116-117.
- ²³ См.: *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1946. Т.3. С.244-250; *Епифанов П.П.* Комарицкие бурмистры при Петре I // ВМУ. Серия историко-филологическая. 1956. № 2. С.157; *Маньков А.Г.* К истории реформы посадского управления 1699 г. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С.233.
- ²⁴ *Тарловская В.Р.* Из истории городской реформы в России конца XVII - начала XVIII в. // Государственные учреждения России XVI - XVIII вв. М., 1991. С.107.
- ²⁵ См.: *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.163.
- ²⁶ Там же. С.164.
- ²⁷ Там же. С.166.
- ²⁸ Там же. С.166; НИОР РГБ. Ф.563. К.2. Д.12. Л.2 об.
- ²⁹ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.244.
- ³⁰ Там же. С.289.
- ³¹ См.: *Безобразов П.В.* Рец. на: Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892 // РО. 1892. № 4. С.893; *Д. [Пытин А.Н.]* Новый труд о петровской реформе // ВЕ. 1892. № 8. С.832-833; [*Сторожев В.Н.*] Историческая хроника. С.214-215.
- ³² *Милоков П.Н.* Ответ рецензенту «Вестника Европы». С.205 отд. паг.
- ³³ См.: *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.166,237.

- ³⁴ См.: *Милоков П.Н.* Ответ рецензенту «Вестника Европы». С.207 отд. паг. Впрочем, позиция Милокова оказалось верной в том смысле, что предложенная Безобразовым цифра 2 миллиона душ мужского пола для корректировки итогов переписи 1710 г. была слишком велика. Безобразов воспользовался названной Милоковым цифрой утайки, обнаруженной в ходе первой ревизии. Но в дальнейшем было установлено, что Милоков преувеличивал размер утайки (см.: *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII - начале XVIII в. М., 1977. С.51).
- ³⁵ См.: *Клочков М.В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. С.254; *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С.10,184-185.
- ³⁶ *Ключевский В.О.* Отзыв о исследовании П.Н.Милокова... С.181.
- ³⁷ См.: *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.273.
- ³⁸ Там же. С.237.
- ³⁹ Там же. С.363.
- ⁴⁰ Там же. С.407-408.
- ⁴¹ Там же. С.365.
- ⁴² См.: Там же. С.713,716.
- ⁴³ Там же. С.372.
- ⁴⁴ См.: *Богословский М.М.* Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903. № 9. С.45 отд. паг. Заслуга эта могла быть еще более наглядной. Милоков составил карту финансовых и военных округов XVII в. и предполагал опубликовать ее в диссертации (см.: ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.34). Но, очевидно, этому воспрепятствовали полиграфические возможности «Журнала министерства народного просвещения».
- ⁴⁵ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.421.
- ⁴⁶ Там же. С.413.
- ⁴⁷ Там же. С.412.
- ⁴⁸ См.: Там же. С.510.
- ⁴⁹ Там же. С.516.
- ⁵⁰ Там же. С.514-515.
- ⁵¹ Там же. С.527.
- ⁵² Там же. С.538.
- ⁵³ См.: *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. 7-е изд. М., 1918. Ч.1. С.227-228.
- ⁵⁴ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.556.
- ⁵⁵ См.: Там же. С.561; *Клочков М.В.* Указ. соч. С.432; *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Л., 1978. С.49.
- ⁵⁶ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.587.
- ⁵⁷ Там же. С.587-588.
- ⁵⁸ *Ключевский В.О.* Отзыв о исследовании П.Н.Милокова... С.182.
- ⁵⁹ См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Рец. на: Пропозиции Федора Салтыкова. СПб., 1891 // ЖМНП. 1892. № 3. С.242-248 отд. паг.; *он же.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. С.106 и др. (Зап. историко-филологического фак. имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч.42); *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С.455; *Богословский М.М.* Историко-графия... С.95-96.
- ⁶⁰ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.647.
- ⁶¹ См.: *Шапиро А.Л.* Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями // ЕПАИВЕ. 1960. Киев, 1962. С.214-215; *Некрасов Г.А.* Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С.334.
- ⁶² См.: *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.648,650.
- ⁶³ См.: Там же. С.671-672.
- ⁶⁴ См.: Там же. С.660,735.
- ⁶⁵ См.: *Панкратова А.М.* Формирование пролетариата в России. М., 1963. С.346; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С.481; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1994. С.163.
- ⁶⁶ См.: *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.164.

- ⁶⁷ Там же. С.660.
- ⁶⁸ См.: *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России. М., 1960. С.323.
- ⁶⁹ См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика... С.293; *Анисимов Е.В.* Податная реформа... С.11-12.
- ⁷⁰ См.: *Анисимов Е.В.* Податная реформа... С.277-278.
- ⁷¹ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.706.
- ⁷² См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Мнения верховников о реформах Петра Великого // *Павлов-Сильванский Н.П.* Соч. СПб., 1910. Т.2. С.400-401; *Шапиро А.Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С.84; *Анисимов Е.В.* Податная реформа... С.286; *Тарловская В.Р.* Из истории городской реформы... С.112.
- ⁷³ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.709.
- ⁷⁴ См.: Там же. С.716.
- ⁷⁵ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.158.
- ⁷⁶ См., например: *Пыпин А.Н.* Новый вопрос о Петре Великом // ВЕ. 1886. № 5. С.323; *Балуев Б.П.* Исторические взгляды Н.К.Михайловского // История и историки. М., 1995. С.297.
- ⁷⁷ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.158.
- ⁷⁸ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.735.
- ⁷⁹ См., например: Там же. С.730.
- ⁸⁰ Цит. по: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т.1. С.357.
- ⁸¹ См.: *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.715,731.
- ⁸² *Михайловский Н.К.* Соч. СПб., 1896. Т.1. Стб.649; *Лаппо-Данилевский А.С.* Указ. соч. С.500.
- ⁸³ См.: *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.515,587-588,732.
- ⁸⁴ См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Рец. на: Пропозиции Федора Салтыкова. СПб., 1891 // ЖМНП. 1892. № 3. С.242-248 отд. паг. Более подробно см.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897.
- ⁸⁵ См.: *Милоков П.Н.* Петр I Алексеевич Великий // ЭС. СПб., 1898. Т.ХХIII а, полутом 46. С.492.
- ⁸⁶ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.210.
- ⁸⁷ Там же. С.158.
- ⁸⁸ См.: *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. 2-е изд. СПб., 1903. Ч.3. Вып.1. С.163-167.
- ⁸⁹ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.735.
- ⁹⁰ Там же. С.732.
- ⁹¹ Там же. С.734. Любопытный нюанс. Давая сравнительную оценку степени влияния царя на государственную реформу, Милоков писал: «Изменить государственный строй труднее, чем одеть часть населения в новое платье, составить новые полки или построить новые суда, но легче, чем изменить нравы или сословный строй» (Там же. С.734). Обо всех перечисленных сферах преобразований, кроме «нравов», он вел речь выше. Между тем, влияние петровской реформы на «нравы» специально исследовалось (хотя и без большого успеха) одним из «духовных отцов» Милокова – В.А.Гольцевым (см.: *Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII в. М., 1886). Представляется вероятным, что в первоначальном наброске заключительной главы могли содержаться замечания и об этой стороне реформы, след от которых остался в мимолетном упоминании «нравов». Даже если это предположение неверно, все равно отказ Милокова в заключительной главе подробно говорить о влиянии реформы на «нравы» несомненно связан с книгой Гольцева. Дело в том, что все стороны реформы Милоков рассматривал в связи с их предшествовавшим изучением. Заговорив о «нравах», он неизбежно должен был бы покритиковать Гольцева. Но, очевидно, Милоков не имел резона ссориться с редактором «Русской мысли», в которой сотрудничал.
- ⁹² *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.736; *он же.* Государственное хозяйство в первой половине XVIII века и реформа Петра Великого // РМ. 1892. № 7. С.65 отд. паг.
- ⁹³ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.708.
- ⁹⁴ См.: *Милоков П.Н.* Ответ рецензенту «Вестника Европы». С.203-204 отд. паг.
- ⁹⁵ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство в первой половине XVIII века и реформа Петра Великого // РМ. 1892. № 7. С.65 отд. паг.

- ⁹⁶ [*Сторожев В.Н.*] Историческая хроника. С.199-200.
- ⁹⁷ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.158.
- ⁹⁸ См.: *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1995. Т.1. С.452. См. также: *Цамутали А.Н.* Н.Я.Аристов // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.-Л., 1963. С.99.
- ⁹⁹ См.: *Герье В.И.* С.М.Соловьев // ИВ. 1880. № 1. С.95; *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М., 1989. С.243; *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Т.3. С.56. Датский исследователь историографии петровских реформ Х.Баггер, в книге которого имя К.Д.Кавелина вообще не упоминается, утверждает, что «насколько известно, тезис о решающем влиянии войны на ход реформ впервые был высказан в рецензии Карла Ширрена ... на монографию А.Г.Брикнера о Петре Великом», напечатанной в 1880 г. (*Баггер Х.* Реформы Петра Великого. М., 1985. С.32). Прочитированный фрагмент из статьи Кавелина, впервые опубликованной в 1866 г., позволяет заключить, что идею если не о решающем, то о значительном влиянии войны на ход реформ русский ученый высказал раньше.
- ¹⁰⁰ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство... С.730.
- ¹⁰¹ См.: *Смолкин Н.С.* В.А.Гольцев // Отечественная история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1994. Т.1. С.589.
- ¹⁰² *Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII в. 2-е изд. СПб., 1896. С.71.
- ¹⁰³ См.: *Сторожев В.Н.* Библиографическая заметка // РВед. 1892. 22 апреля; *Николаев В.* [*Сторожев В.Н.*] Рец. на: Милоков П.Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892 // БЗ. 1892. № 6. С.449-450; *Гутьяр Н.* Новый взгляд на реформы Петра Великого // ИВ. 1892. № 6. С.766-779; Рец. на: Милоков П.Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892 // КВ. 1892. № 2. Стб.58-60; *Рожков Н.А.* Рец. на: Милоков П.Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905 // Правда. 1905. № 1. С.215-216; *Клочков М.В.* Рец. на: Милоков П.Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905 // ИВ. 1905. № 5. С.661-663; *Minzes B.* // Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1893. Bd.1. S.373. Неоконченная рецензия Н.П.Павлова-Сильванского на второе издание «Государственного хозяйства...» сохранилась в его личном фонде в РГИА (см.: РГИА. Ф.1014. Оп.1. Д.42. Л.1 и сл.).
- ¹⁰⁴ См.: *В.Г. [Гольцев В.А.]* Новое исследование о реформе Петра Великого // РМ. 1892. № 4. С.53,54.
- ¹⁰⁵ Там же. С.56.
- ¹⁰⁶ См.: *Д. [Пыпин А.Н.]* Новый труд о петровской реформе // ВЕ. 1892. № 8. С.833.
- ¹⁰⁷ *Милоков П.Н.* Рец. на: Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т.2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская // ЭО. 1891. № 1. С.182. В этой же рецензии Милоков упрекал Пыпина в пренебрежении к экономическому фактору в истории.
- ¹⁰⁸ *Милоков П.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения... С.21-22 отд. паг.
- ¹⁰⁹ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство в первой половине XVIII века и реформа Петра Великого // РМ. 1892. № 7. С.64 отд. паг.
- ¹¹⁰ См.: *Милоков П.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения... С.26-27,152 отд. паг.; *Дьяконов М.А.* Рец. на: Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории ... С.203-204 отд. паг.; *Веселовский С.Б.* Рец. на: Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906 // ЖМНП. 1908. № 2. С.414-415 отд. паг.
- ¹¹¹ *Милоков П.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения... С.27 отд. паг.
- ¹¹² Там же. С.28 отд. паг.
- ¹¹³ См.: Там же. С.36 отд. паг. Ср.: *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. 7-е изд. М., 1918. Ч.1. С.150-154.
- ¹¹⁴ *Милоков П.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения... С.40 отд. паг.
- ¹¹⁵ См.: Там же. С.43-53 отд. паг.; [*Милоков П.Н.*] Рец. на: Лашкова Ф.Ф. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887 // РМ. 1887. № 8. С.478 отд. паг.; *он же.*

Русская аграрная политика прошлого столетия. С.203,205 отд. паг.; *он же*. Очерки по истории русской культуры. 7-е изд. М., 1918. Ч.1. С.254-256.

¹¹⁶ Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С.105,107.

¹¹⁷ См.: Милоков П.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения... С.54 отд. паг.

¹¹⁸ См.: Там же. С.62,64 отд. паг.; Дьяконов М.А. Рец. на: Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории... С.206; Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т.2. С.343; Кольчева Е.И. Аграрный строй России XVI в. М., 1987. С.18-19; Кашианов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С.25.

¹¹⁹ См.: Милоков П.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения... С.69 отд. паг.

¹²⁰ См.: Там же. С.60,176-192 отд. паг.; Дьяконов М.А. Рец. на: Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории... С.225-231.

¹²¹ См.: Милоков П.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения... С.92-95,195-198 отд. паг.

¹²² Там же. С.25 отд. паг.

¹²³ Там же. С.122 отд. паг.; Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. 2-е изд. СПб., 1903. Ч.3. Вып.1. С.37.

¹²⁴ Милоков П.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения... С.123 отд. паг.

¹²⁵ См.: Там же. С.133-134 отд. паг.; Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний // Московский университет: 1755-1930. С.302-303; [Сторожев В.Н.]. Историческая хроника. С.210.

¹²⁶ Милоков П.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения... С.173-174 отд. паг.

¹²⁷ См.: С-в [Сторожев В.Н.]. Рец. на: Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892 // КВ. 1892. № 11. Стб.527-529; Дьяконов М.А. Рец. на: Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892 // ЖМНП. 1893. № 7. С.202-231 отд. паг. О своем желании отрецензировать «Спорные вопросы...» М.А.Дьяконов написал Милоков. Последний был очень заинтересован в рецензии (см.: АРАН. Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.4).

С.Ф.Платонов просил разрешить Милокова использовать отдельные листы из «Спорных вопросов» для практических занятий в университете (см.: ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5388. Л.89-89 об.).

Высокую оценку исследование Милокова получило и в общих обзорах российской жизни, публиковавшихся крупнейшими газетами того времени (см., например: 1892 год // НВ. 1893. 1 января).

¹²⁸ См., например: Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С.186.

¹²⁹ См.: Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.112.

¹³⁰ См.: Милоков П.Н. Очерки... Ч.2. С.3.

¹³¹ Милоков П.Н. Очерки... Ч.1. С.8.

¹³² Скиф Н. [Соколов Н.М.]. Г.Милоков и славянофильство // РВ. 1903. № 1. С. С.304-305.

¹³³ См.: Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993. С.246; Муравьев В.А. В.О.Ключевский и «новая волна» историков начала XX в. // Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып.1. С.223; Попова А.В. Социально-философские взгляды П.Н.Милокова. Дис. ... канд. философ. наук. М., 1995. С.130.

¹³⁴ См., например: [Милоков П.Н.]. Рец. на: Историческое обозрение. 1890. Т.1 // РМ. 1891. № 3. С.173; *он же*. Главные течения... С.88.

¹³⁵ Милоков П.Н. Очерки... С. Ч.1. С.9.

¹³⁶ Там же. С.306.

¹³⁷ См.: Скиф Н. [Соколов Н.М.]. О русской национальной традиции // РВ. 1903. № 2. С.674-675.

¹³⁸ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.104.

¹³⁹ См., например: Степанский А.Д. Рец. на: Вандалковская М.Г. П.Н.Милоков, А.А.Кизеветтер: история и политика. М., 1993 // Вестник РАН. 1993. № 12. С.1122.

¹⁴⁰ См.: Ключевский В.О. Соч. М., 1990. Т.9. С.331,332; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.115.

¹⁴¹ Милоков П.Н. Очерки... Ч.1. С.3.

¹⁴² Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры // МБ. 1895. № 1. С.133. Ср.: *он же*. Очерки... Ч.1. С.4.

¹⁴³ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры // МБ. 1896. № 3. С.68,69.

¹⁴⁴ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. 2-е изд. СПб., 1903. Ч.3, вып.1. С.6.

¹⁴⁵ Милоков П.Н. Очерки... Ч.2. С.3.

¹⁴⁶ См.: Милоков П.Н. Очерки... Ч.1. С.18.

¹⁴⁷ М. Рец. на: Историческое обозрение. 1892. Т.IV // КВ. 1892. № 7. Стб.332-334.

¹⁴⁸ См.: Милоков П.Н. В.О.Ключевский. С.190.

¹⁴⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т.3. С.294. См. также: Цамутали А.Н. Борьба направлений... С.194. Даже в работе Н.Г.Думовой имеется сходный тезис (см.: Думова Н.Г. Указ. соч. С.163).

¹⁵⁰ См.: ПНМ. С.84.

¹⁵¹ Милоков П.Н. Очерки... Ч.2. С.3.

¹⁵² ПНМ. С.42.

¹⁵³ См.: Вандалковская М.Г. П.Н.Милоков, А.А.Кизеветтер: история и политика. М., 1993. С.127; Медушевский А.Н. История русской социологии. С.246-247.

¹⁵⁴ См., например: Милоков П.Н. Очерки... Ч.1. С.12.

¹⁵⁵ См.: Там же. С.12; Милоков П.Н. Очерки... Ч.2. С.3,4.

¹⁵⁶ См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С.485,517; Баскакова В.М. Ленинская критика социально-философской буржуазно-либеральной концепции П.Н.Милокова: Автореферат дис. ... канд. философ. наук. Л., 1979. С.14-15; Милоков П.Н. Очерки... Ч.1. С.18.

¹⁵⁷ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры // МБ. 1895. № 1. С.141-142; Ср.: *он же*. Очерки... 7-е изд. М., 1918. Ч.1. С.13.

¹⁵⁸ П.М. [Милоков П.Н.]. Историософия г.Кареева. С.92.

¹⁵⁹ Милоков П.Н. Очерки... Ч.1. С.10.

¹⁶⁰ См.: П.М. [Милоков П.Н.]. Историософия г.Кареева. С.91; *он же*. Воспоминания. Т.1. С.104.

¹⁶¹ Теоретическое «Введение» к «Очеркам» изобилует параллелями с естествознанием; упоминается в нем, в качестве аналогии, и об открытии И.Ньютоном закона всемирного тяготения (см.: Милоков П.Н. Очерки... Ч.1. С.16).

¹⁶² См.: Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.111-112.

¹⁶³ П.М. [Милоков П.Н.]. Историософия г.Кареева. С.91.

¹⁶⁴ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры // МБ. 1895. № 1. С.140; *он же*. Очерки... Ч.1. С.11-12.

¹⁶⁵ Милоков П.Н. Очерки... Ч.3, вып.1. С.5.

¹⁶⁶ Там же. С.6.

¹⁶⁷ Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX в. // ВИ. 1982. № 1. С.27.

¹⁶⁸ См.: Пресняков А.Е. Первый опыт истории русского самосознания. СПб., 1901. С.6; Скиф Н. [Соколов Н.М.]. Г.Милоков и славянофильство. С.275-276; Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С.516.

¹⁶⁹ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С.526,534.

¹⁷⁰ См.: Шмидт С.О. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР // ВИ. 1963. № 8. С.62; Муравьев В.А. Две лекции Н.П.Павлова-Сильванского // ИИ. 1972. М., 1973. С.363; Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С.25-26.

¹⁷¹ На самом деле и такое противопоставление может быть принято лишь условно, так как и Павлова-Сильванского критиковали за «ультрасоциологическую постановку вопроса» (см.: Чирков С.В. Переписка Н.П.Павлова-Сильванского и А.Е.Преснякова // АЕ за 1972 год. М., 1974. С.321).

- ¹⁷² См., например: *Рубинштейн Н.Л.* Указ. соч. С.515-520; *Бочкарев Н.И.* В.И.Ленин и буржуазная социология в России. М., 1973. С.22-23.
- ¹⁷³ *Медушевский А.Н.* П.Н.Милоков: ученый и политик // ИСССР. 1991. № 4. С.24.
- ¹⁷⁴ В подтверждение того, что Милоков «фактически» отрицал существование исторической закономерности, И.Д.Ковальченко и А.Е.Шикло приводят цитату из «Очерков»: «Под влиянием данных географических, климатических, почвенных и др. условий основное направление исторической жизни может разнообразиться до бесконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможных вариаций одну и ту же основную подкладку» (цит. по: *Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Указ. соч. С.26-27). Однако, продолжение этой цитаты, опущенное авторами, звучит следующим образом: «Прямая обязанность историка не только обнаружить присутствие этой подкладки [т.е. закономерности – А.М.], но и объяснить причины ее проявления именно в данной конкретной форме в каждой отдельной вариации» (*Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.12-13). Здесь Милоков не отрицает закономерность, а, напротив, призывает ее исследовать.
- ¹⁷⁵ *П.М. [Милоков П.Н.]* Историософия г.Кареева. С.92.
- ¹⁷⁶ *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры // МБ. 1895. № 1. С.137.
- ¹⁷⁷ *Милоков П.Н.* Очерки... 2-е изд. СПб., 1896. Ч.1. С.8.
- ¹⁷⁸ *Милоков П.Н.* Очерки... 3-е изд. СПб., 1898. Ч.1. С.8.
- ¹⁷⁹ *Милоков П.Н.* Очерки... 5-е изд. СПб., 1904. Ч.1. С.8.
- ¹⁸⁰ См.: *Милоков П.Н.* Очерки... 7-е изд. М., 1918. Ч.1. С.1,П.
- ¹⁸¹ Там же. С.10.
- ¹⁸² Там же. С.8.
- ¹⁸³ См.: *Милоков П.Н.* Новая книга по социологии // МБ. 1899. № 12. С.207. - Рец. на: Барт П. Философия истории, как социология. СПб., 1900. Ч.1. Введение и критический обзор.
- ¹⁸⁴ См.: *Скиф Н. [Соколов Н.М.]* О русской национальной традиции. С.676.
- ¹⁸⁵ См.: *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т.1. С.41.
- ¹⁸⁶ См.: *Скиф Н. [Соколов Н.М.]* О русской национальной традиции. С.675.
- ¹⁸⁷ См.: *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.2. С.3,5
- ¹⁸⁸ См.: *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.8.
- ¹⁸⁹ См.: *Вандалковская М.Г.* П.Н.Милоков, А.А.Кизеветтер. С.129.
- ¹⁹⁰ *П.М. [Милоков П.Н.]* Историософия г.Кареева. С.98.
- ¹⁹¹ *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1907. С.367.
- ¹⁹² См.: *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.14.
- ¹⁹³ См.: *Струве П.Б.* Рец. на: Милоков П.Н. Очерки ... // НС. 1897. № 1. С.90-92.
- ¹⁹⁴ См.: *Милоков П.Н.* Юридическая школа... С.81; он же. Историософия г.Кареева. С.99; он же. Государственное хозяйство в первой половине XVIII века и реформа Петра Великого // РМ. 1892. № 7. С.65-66 отд. паг.
- ¹⁹⁵ *Милоков П.Н.* Введение в курс русской истории. Лекции, читанные П.Н. Милоковым на Московских педагогических курсах. 1892-93 г. [М., 1893]. [Вып.1]. С.14.
- ¹⁹⁶ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.18.
- ¹⁹⁷ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.3, вып.1. С.1.
- ¹⁹⁸ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений... С.185; *Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Указ. соч. С.28.
- ¹⁹⁹ См.: *Баскакова В.М.* Указ. соч. С.17-18.
- ²⁰⁰ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.18.
- ²⁰¹ См.: *Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX – начала XX в. М., 1993. С.50.
- ²⁰² См.: *Милоков П.Н.* Новая книга по социологии. С.206-207.
- ²⁰³ *Милоков П.Н.* Из истории русской интеллигенции. С.274. В «Воспоминаниях» (Т.1. С.112) Милоков писал, что отрицал идею прогресса. Но отрицал он ее в смысле «внутренней тенденции, ... от века вложенной» в исторический процесс (см.: *Милоков П.Н.* Новая книга по социологии. С.211). Прогресс же как результат сознательной человеческой деятельности он не отрицал. На это в свое время указывал К.Штеллин (см.: ПНМ. С.94).
- ²⁰⁴ См.: Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX в. Л., 1978. С.295.
- ²⁰⁵ См.: *Скиф Н. [Соколов Н.М.]* Г.Милоков и славянофильство. С.301.
- ²⁰⁶ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.297.

- ²⁰⁷ Там же. С.296.
- ²⁰⁸ См.: *Скиф Н. [Соколов Н.М.]* О русской национальной традиции. С.671.
- ²⁰⁹ *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры // МБ. 1895. № 12. С.228-229.
- ²¹⁰ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.297-298.
- ²¹¹ Там же. С.298-299.
- ²¹² Впрочем, «новая русская» культурная традиция была охарактеризована в первом издании «Очерков» как «петровская», но затем Милоков отказался от этого определения (см.: *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры // МБ. 1895. № 12. С.230; он же. Очерки... М., 1918. Ч.1. С.299). Видимо, употребляя его, он хотел обозначить хронологический рубеж, с которого «новые русские» начали формирование своей культурной традиции – момент петровских реформ. А затем определение было снято, чтобы не связывать эту традицию с личностью царя, и не впадать тем самым в «царизм».
- ²¹³ Цит. по: *Вишневики Э.* Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1993. С.10.
- ²¹⁴ *Милоков П.Н.* История второй русской революции. София, 1921. Вып.1. С.13.
- ²¹⁵ *Пресняков А.Е.* Первый опыт... С.3.
- ²¹⁶ См.: Отчет о занятиях исторической комиссии Учебного отдела при Обществе распространения технических знаний // ИО. 1895. Т.8. С.275-276; *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.2. С.7; он же. Очерки ... Ч.3. Вып.1. С.7.
- ²¹⁷ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.13; он же. Очерки ... Ч.2. С.7.
- ²¹⁸ *Милоков П.Н.* Введение в курс русской истории. [Вып.1]. С.8-9.
- ²¹⁹ См.: *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.2. С.6-7.
- ²²⁰ *Кирсанова Е.С.* В.И.Герье о политической функции исторического знания // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1982. Вып.16. С.73.
- ²²¹ См.: *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. 2-е изд. СПб., 1904. Ч.3, вып.2. С.421-422.
- ²²² Там же. С.418-419.
- ²²³ *Милоков П.Н.* Введение в курс русской истории. [Вып.1]. С.9.
- ²²⁴ *Пресняков А.Е.* Первый опыт... С.6. Н.М.Соколов высказал ту же самую мысль несколько рельефнее: «...Каждый честный мыслитель с Запада ... скажет, что культурная традиция, оторванная от традиции национальной, – бред сумасшедшего. И на Западе тот народ сильнее и культурнее других, у которого глубже засели национальные идеи и национальные традиции (*Скиф Н. [Соколов Н.М.]* О русской национальной традиции. С.728-729).
- ²²⁵ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.3, вып.1. С.14.
- ²²⁶ См.: *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т.3. С.3-4.
- ²²⁷ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.3, вып.2. С.422.
- ²²⁸ См.: *Лесовик [Павлов-Сильванский Н.П.]* Об историческом самоуничижении // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 10 сентября.
- ²²⁹ *Иловайский Д.И.* Исторические сочинения. М., 1914. Ч.3. С.248.
- ²³⁰ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.4-5. Первоначально Милоков считал возможным рассуждать о «смысле» истории в «известных областях» (*П.М. [Милоков П.Н.]* Историософия г.Кареева. С.94), потом – в области «искусства» (он же. Государственное хозяйство в первой половине XVIII века и реформа Петра Великого // РМ. 1892. № 7. С.65 отд. паг.) и лишь в «Очерках» осмелился сказать, что речь идет о политике. Одному из критиков термин «политическое искусство» показался неудачным (см.: *Скиф Н. [Соколов Н.М.]* О русской национальной традиции. С.670,678,680). Но это не изобретение Милокова, подобным словосочетанием пользовался высоко ценимый им Д.С.Милль (см.: *Поппер К.* Нищета историзма. М., 1993. С.84).
- ²³¹ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.5-6.
- ²³² *Кареев Н.И.* Указ. соч. С.368; *Вандалковская М.Г.* П.Н.Милоков, А.А.Кизеветтер. С.121.
- ²³³ *Милоков П.Н.* Очерки... Ч.1. С.7.
- ²³⁴ Там же.
- ²³⁵ *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры // МБ. 1895. № 1. С.136. Ср.: он же. Очерки... 7-е изд. М., 1918. Ч.1. С.8.
- ²³⁶ См.: *П.М. [Милоков П.Н.]* Историософия г.Кареева. С.94.

- ²³⁷ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры // МБ. 1895. № 1. С.136; *он же*. Очерки... 7-е изд. М., 1918. Ч.1. С.7.
- ²³⁸ Миллюков П.Н. Главные течения... С.88.
- ²³⁹ Миллюков П.Н. Рец. на: Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т.1. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская // ЭО. 1890. № 4. С.177.
- ²⁴⁰ См., например: П.М. [Миллюков П.Н.]. Историософия г.Кареева. С.93; *он же*. Ответ рецензенту «Вестника Европы». С.204 отд. паг.; *он же*. Очерки... Ч.1. С.7.
- ²⁴¹ Миллюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. С.276-277; *он же*. Очерки по истории русской культуры // МБ. 1896. № 12. С.284; *он же*. Очерки... 7-е изд. М., 1918. Ч.1. С.5,7-8.
- ²⁴² См.: Вандалковская М.Г. П.Н.Миллюков, А.А.Кизеветтер. С.121,122.
- ²⁴³ ПНМ. С.260.
- ²⁴⁴ См., например: Рец. на: Миллюков П.Н. Очерки... // РМ. 1897. № 5. С.212; ПНМ. С.71,72; Riha T. A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame-Lnd., 1969. P.30-31; Сахаров А.М. Историография истории СССР. М., 1978. С.215.
- ²⁴⁵ См.: Историография истории СССР. М., 1971. С.384; Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М., 1985. С.18-19,67.
- ²⁴⁶ См., например: Рец. на: Миллюков П.Н. Очерки... // РМ. 1896. № 11. С.515 отд. паг.
- ²⁴⁷ См.: Вандалковская М.Г. «Очерки по истории русской культуры» П.Н.Миллюкова и современники // История и историки. М., 1995. С.267.
- ²⁴⁸ См.: Миллюков П.Н. Очерки... Ч.2. С.393,401-402.
- ²⁴⁹ Миллюков П.Н. Очерки... Ч.2. С.402. Ср.: *он же*. Воспоминания. Т.1. С.46,67,83.
- ²⁵⁰ Миллюков П.Н. Очерки... Ч.2. С.399,401.
- ²⁵¹ Миллюков П.Н. Очерки... Ч.3, вып.1. С.13.
- ²⁵² Миллюков П.Н. Введение в курс русской истории. Лекции, читанные П.Н.Миллюковым на Московских педагогических курсах. 1894-95 г. М., [1895]. [Вып.3]. С.115-192.
- ²⁵³ Миллюков П.Н. Очерки... Ч.3, вып.1. С.12.
- ²⁵⁴ См., например: Историография истории СССР. М., 1961. С.412.
- ²⁵⁵ Литература русского зарубежья: 1920-1940. М., 1993. С.50.
- ²⁵⁶ Миллюков П.Н. Очерки... Ч.1. С.291-292.
- ²⁵⁷ Там же. С.292.
- ²⁵⁸ Там же. С.294.
- ²⁵⁹ См.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. С.25.
- ²⁶⁰ Миллюков П.Н. Очерки... Ч.1. С.291.
- ²⁶¹ См., например: Вандалковская М.Г. П.Н.Миллюков, А.А.Кизеветтер. С.150.
- ²⁶² См.: Цамутали А.Н. Борьба направлений... С.195.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя нельзя утверждать, что в течение всего рассмотренного отрезка времени (1859-1904) историческая наука была главным видом деятельности для П.Н.Миллюкова, именно она представляет собой «системообразующий» элемент этого периода его биографии. С гимназических лет проявивший интеллектуальную одаренность, П.Н.Миллюков мог рассчитывать на достижение приемлемого для себя социального статуса прежде всего на путях научной карьеры. Студенческие годы едва ли не с самого начала явились временем сознательной подготовки к такой карьере. Первые шаги П.Н.Миллюкова на ученом поприще были вполне успешными: оставление при университете с казенной стипендией, относительно быстрая сдача магистерских экзаменов, получение приват-доцентского звания. Но уже на этом подготовительном этапе обнаружились два характерных обстоятельства, впоследствии практикой непрерывно сопровождавших научную деятельность П.Н.Миллюкова — политическое противостояние властям (стоившее годичной задержки в получении диплома о высшем образовании) и разногласия с В.О.Ключевским, возглавлявшим кафедру, на которой П.Н.Миллюкову предстояло работать.

Начало следующего, самостоятельного этапа научной деятельности П.Н.Миллюкова проходило в более благоприятных условиях. Стабильная внутривластная обстановка в стране способствовала его сосредоточению на науке, а отношения с В.О.Ключевским нормализовались. В сочетании с указанными факторами солидная научная подготовка П.Н.Миллюкова, его незаурядный талант и работоспособность обеспечили плодотворность его исторических исследований. Ранее всего результаты этих исследований проявились в университетском преподавании П.Н.Миллюкова: им было разработано семь оригинальных спецкурсов. Главным же исследовательским достижением П.Н.Миллюкова стала его магистерская диссертация «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892). По своему научному значению она вполне давала автору право надеяться на получение докторской степени. Этому воспрепятствовала непримиримая по-